

ГОСПОДСТВО ОГНЯ

Дмитрий Егоров

Господство огня

<https://litres.ru/74132792>

SelfPub; 2026

Аннотация

За один день меня чуть не убили четыре раза, а ночью трое незнакомцев в моей квартире решали, как сделать это «почище». Утром мне предложили выбор: остаться и умереть — или шагнуть в портал за женщиной, которая называет меня «первородным лордом», а убивает так же буднично, как выносит мусор.

Так я узнал, что я не сирота из детдома, а наследник великого дома из мира Люминара. Правда, дом захвачен, имя стёрто из бумаг, а из наследства мне досталась только цена за мою голову.

Я шагнул в портал. Я рос там, где никто ни на кого не ставил. Посмотрим, кто кого вычеркнет.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	40
Глава 3	57
Глава 4	74
Глава 5	92
Глава 6	109
Глава 7	128
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Господство огня

Глава 1

Надоедливый, раздражающий, мерзкий звук.

Я с трудом разлепил глаза. Голова уже изрядно болела — потому что лёг я спать сегодня, а не вчера. Будильник звенел так, словно меня били молотком по голове. Моргнув несколько раз, я нашёл телефон под подушкой и смахнул ползунок будильника. На потрескавшемся экране появилось фото девчонок из «Blackpink» в полном составе, а чуть выше их лиц — внушительные цифры.

Одиннадцать тридцать пять.

Понадобилось несколько секунд, чтобы осознать эти неприятные цифры.

Сильный выдох — и прыжок из кровати, как пируэт ужаленного артиста балета.

— Твою же мать. Такого не бывает! — провизжал я на всю квартиру, совершенно наплевав на спящего на соседней кровати Лёху. Зависть пропитала меня насквозь: он сладко спал, обняв скомканное одеяло, словно его вообще не интересовала школа. Вот бы и мне стать таким крутым, как он.

Мысли разогнали мозг до скорости света. Я носился по комнатам, одновременно надевая брюки и умывая лицо. Зубной щёткой я решительно пренебрёг, убедившись, что

запаха нет. Закинув в рот кусок хлеба с ветчиной, я рванул вниз по лестнице, перепрыгивая по две-три ступеньки за раз.

Первые два урока успешно пропущены, но на третий ещё был шанс успеть. Я бежал по улице, минуя давным-давно наскучившие виды вокруг дома. Первая остановка — у светофора на пешеходном переходе. Девяносто секунд, которые каждый день раздражали своей длительностью.

— Как же долго, — завопил я, пока цифры на светофоре почти не менялись.

Как только загорелся зелёный, я побежал и через мгновение услышал клаксон. Растерявшись, я не оценил ситуацию и решил просто остановиться. Раздался звук резкого торможения и неприятный свист колодок. Я повернул голову на звук — и передо мной выросла огромная кабина мусоровоза. Накатил выброс адреналина пополам со страхом. Ноги не слушались, а в голове рисовались картинки конца жизни.

Мусоровоз успел остановиться. Он тихонько подкатывал ко мне последние десять сантиметров, чтобы нежно чмокнуть своим зелёным кузовом. Чёрт возьми! Он украл мой первый поцелуй. Я встрепенулся и отскочил на несколько шагов. Страх окончательно покинул меня, и я почувствовал прилив ярости. Кажется, я даже вошёл в режим берсерка из видеоигр.

— У меня зелёный, мудака! — возмутился я.

Водитель мусоровоза вышел из кабины и выглядел невероятно злым и неприятным. Я взглянул на ситуацию и по-

нял, что эту битву мне не выиграть. Колени перестали быть ватными только через пару секунд, когда уже можно было делать вид, что я не испугался до смерти.

— Смотреть нужно по сторонам, молокосос...

Водитель приближался, и всё шло к воспитательному рукоприкладству, поэтому я тут же побежал дальше в школу.

Опоздания ни к чему хорошему не приведут — об этом мне талдычили всю школу. Как-то всё равно дожил до одиннадцатого класса.

В школе я выполнил воинское приветствие на бегу в сторону охранника, когда проходил через турникет. Тот взглянул на меня, как на полнейшего идиота:

— К непокрытой голове не прикладывают. Вот молодёжь пошла же, — рявкнул нелепый дед в костюме охранника.

Добежав до третьего этажа, я ворвался в кабинет физики. Наклонился, схватился за колени, пытаюсь отдышаться.

— Елизавета Петровна, простите за опоздание. Разрешите войти? — дыхание выровнялось быстро, потому что такие забеги до школы случались нередко: я всегда до последнего тяну с подъёмом. И всё же я всегда приходил к первому уроку, а сегодня случился некий саботаж. Не иначе. Сработал только последний, аварийный будильник, который я всегда устанавливаю на форс-мажорный случай.

Упитанная училка пятидесяти лет с причёской, как у артистов в 80-х годах, взглянула на меня с презрением и возмутилась:

— Как любезно с твоей стороны, Мирон, заглянуть на мой урок. — Одноклассники смеялись над её словами так, будто это был перwokлассный стендап. — Заходи, но только потому, что у тебя хорошие оценки по физике.

— Будильник не прозвонил, — пробормотал я уже тише, потому что не ожидал, что мои оправдания окажутся никому не интересны.

Я сел за парту. Обычно я сидел за партой с Лёхой, но сегодня у меня был выбор между Наташей и Жекой. Я не общался ни с кем из них особо, потому что первая была напыщенной девчонкой со странным крючковатым носом и подмоченной репутацией, а второй — не менее высокомерным отличником с необычным отношением к гигиене. Я сел с Наташей, рассчитывая сохранить обоняние.

Сегодня было одно из занятий в рамках повторения пройденного материала, чтобы освежить знания перед экзаменами.

— Соберём простую схему с лампочкой, потенциометром и источником тока. Потом включите источник, — скомандовала Петровна.

Задача была очень простой. Мы проходили это несколько классов назад. Я собрал типовую электрическую схему и вставил минимальное сопротивление у потенциометра. Затем подключил схему к источнику тока и взял вилку, чтобы воткнуть её в розетку. Я поднёс её к розетке, и в двадцати сантиметрах от неё источник тока взлетел на воздух. Древ-

няя коробка размером с рюкзак долетела до потолка и рухнула на мой стол. Наташа завопила, а я едва ли успел отреагировать, потому что не мог сопоставить в голове, что произошло не так. Я ведь даже не успел воткнуть вилку в розетку. Я взглянул на провод в руке и заметил, что он выгорел в нескольких сантиметрах от вилки. Бред какой-то.

Одноклассники рассмеялись. Наташа смотрела на меня как на идиота, а я даже не знал, как объяснить ей, насколько абсурдно всё это. Петровна подошла посмотреть, что произошло:

— Схема верная. Видимо, просто не повезло.

— Не повезло? Он просто взорвался без электричества. Вы уверены, что это можно связать с везением? Это ведь была взрывчатка, — ответил я.

— Смешная шутка, Мирон. Более нелепого оправдания после уничтожения школьного инвентаря я за всю свою карьеру не слышала. Лучше больше не говори эту чушь про взрывчатку никому, а то придётся разговаривать с полицией, — фыркнула Петровна и ушла к своему столу.

— А как иначе он взлетел до потолка и задымился? — я нахмурился, потому что меня разозлили пустые обвинения Петровны.

— Я смотрела на Марину, поэтому не видела, что произошло. Думаю, ты подключил что-то не так. Возьмите другой источник, но будьте осторожнее. Пусть лучше Наташа подключит.

Я хмурился и смотрел, как Наташа, которая не смогла бы даже написать формулу третьего закона Ньютона, легко справилась с этим заданием.

— Чушь какая-то, — прошептал я.

— Что? Всё ведь достаточно просто, — ответила Наташа.

Я смотрел в её глаза и видел, что она не поняла бы, что произошло, даже если я попробовал бы объяснить.

— Наверное, я просто не выспался, — я выдохнул и попытался отвлечься, но размышления иногда возвращали меня к этой ситуации.

Через пятнадцать минут Петровна ходила между рядами парт и пробовала крутить потенциометр у каждой пары учеников, чтобы увидеть изменение яркости лампочки.

— Я и не сомневалась, что вы все справитесь. Мирон, конечно, сжёт один источник тока, но это по большей части моя вина, — огласила Петровна, и прозвенел звонок. — Все получают пятёрки за классную работу. Урок окончен.

Я вышел из кабинета одним из последних. В классе было всего шестеро парней, поэтому на переменах мы всегда кучковались перед дверью в кабинет следующего урока. Погружённый в размышления, я едва ли замечал, что происходит вокруг.

Сперва мусоровоз, затем источник тока — у меня никак не укладывалось в голове такое количество случайностей за одно утро. Крашенные коричневые доски пола одна за одной пролетали перед взглядом. Невнимательный водитель,

возможно, куда-то торопился. Источник тока слишком старый, чтобы работать хорошо. По отдельности события действительно выглядели случайными, но они произошли почти сразу друг за другом.

Неприятный хлопок по плечу от одноклассника привёл меня в чувство. Это был Кирилл. Почти лысый, слушает рэп и ассоциируется у меня с гопником из-за своего стиля в одежде.

— А это ты нормально придумал на физике. Петарду подложил под источник? — Кирилл был навеселе, нескончаемо улыбался и говорил звонко.

Я взглянул на него, когда он подтолкнул меня в небольшой мужской круг на скамейке возле кабинета географии.

— Да нет же. Если бы это была петарда, то воняло бы на весь кабинет. Я не знаю, что случилось. Он просто взорвался, — возмутился я, не скрывая своей неприязни к такому обвинению.

Я переглянулся с остальными. Мне как будто никто не верил.

— Просто так электроприборы не взрываются, — сказал Жека. — Источник бы задымился или вовсе не включился. А такие взрывы со взлётами только в фильмах бывают.

Я смотрел на Жеку, стараясь не показывать всего своего отвращения, но хмурые брови никуда не уходили. В голове крутилось столько оскорблений, подходящих для него. В основном о его не самой впечатляющей внешности. Но я был

уже в том возрасте, когда понимал, что у всякого слова есть последствия.

— Ну, значит, мы живём в фильме. Я даже в розетку подключить не успел, а он уже взорвался, — ответил я, но быстро понял, что про розетку говорить не стоило.

— Да ты себя закапываешь сам, — говорил Кирилл, а парни поддержали его смехом. — Тогда остаётся только петарда!

— Какая петарда, блин? — фыркнул я.

— Я с отцом на даче однажды зарядил несколько корсаров и накрыл кастрюлей. Кастрюля тогда метров на тридцать вверх рванула, — Жека говорил это так воодушевлённо и буднично, что мне становилось мерзко.

— Поздравляю! Можете начинать свою космическую программу, — буркнул я.

— А что? Я планирую поступать на конструктора космических аппаратов.

Я взглянул на часы в центре огромного холла. До урока ещё оставалось минут пять, поэтому я отошёл от толпы одноклассников и направился в туалет.

Если подумать, такой эффектный пируэт от источника тока могла вызвать только петарда. Да и звук был соответствующий. Тогда мне повезло, что я не трогал сам прибор руками.

В туалете я почувствовал резкий запах гари, словно только что жгли что-то.

— Как будто других мест нет, — фыркнул я и подошёл к раковине.

Я почувствовал, как что-то сжимает мою грудь, а затем взглянул в зеркало и увидел пламя. Бесконечные языки пламени. Старый горящий дом, а я внутри него.

Я выбежал из туалета, и раздался невероятно громкий звонок на урок. Подняв голову, я заметил, что стою прямо под звонком.

Запах гари развеивался, но всё ещё ощущался достаточно стойко. Сильнейшая дезориентация пришла вместе с болью в груди и ошеломительным звонком. Я едва ли стоял на ногах, держась руками за стену. Она двигалась, кружилась и уж точно не стояла на месте.

— Что со мной происходит? — прохрипел я, как будто вся вода исчезла изо рта.

Звонок внезапно остановился, и я вновь пережил ощущения последних пяти минут, но в ускоренном режиме. Словно это всё сконцентрировалось в один кулак на быстрой перемотке. Кулак мощно ударил по моему солнечному сплетению, отчего я отлетел на метр назад и приземлился на пол.

Ощущения были такие, словно меня несколько раз провернули изнутри через мясорубку. Меня тошнило, а голова была такой тяжёлой, что я едва ли удерживал равновесие. Я попытался стошнить, но у меня получилось только плюнуть пару раз.

Всё закончилось так же быстро, как и началось. Моё ли-

цо было красным, и я не понимал, что происходит. Мне показалось, что дело в школе, поэтому я сразу же рванул на улицу. Десятки метров коридора пролетели мгновенно, так же, как и четыре пролёта лестницы. Я вылетел из здания мимо охранника с его грёбаным турникетом и остановился на крыльце. Согнувшись, я держался за колени и пытался отдышаться.

— Такого не бывает, — бормотал я. — Этого просто не может быть.

Глубоким дыханием я пытался совладать с настигнувшей панической атакой. Пульс участился настолько, что я слышал биение сердца висками.

Сперва я подумал, что нужно бы вернуться. Выпрямившись, я взглянул на дверь. Охранник наблюдал сквозь стекло так невозмутимо, словно видел подобное уже не раз.

Ну его на хрен. Не пойду.

Отойдя от крыльца в сторону, я прильнул спиной к стене школы. Панические атаки случаются — в этом нет ничего страшного. Я всего лишь немного психанул. Постепенно пульс и дыхание выровнялись. Щёки всё ещё пылали от жара. Я утёр пот со лба ладонями и помассировал виски — руки оказались ужасно ледяными. Два странных события за одно утро. Немало, но всякое случается. Главное, что я жив.

Я оттолкнулся от стены.

Сверху послышался крик. Я повернул голову и увидел, как в меня летит включённая дисковая пила. Периферийным

зрением я видел падающего со строительных лесов рабочего и накренившиеся леса.

— Закусила, сука! — кричал рабочий в полёте.

Всё это было как в замедленном времени. Пила долетела до меня и остановилась в метре от ног, потому что у неё кончился провод. Она упала на пол и несколько раз подскочила, приземляясь на диск. Рабочий рухнул на клумбу и приземлился вполне безопасно. Строительные леса рухнули прямо на меня. Я остался цел — угодил в просвет окна между железными трубами.

Я взглянул на дисковую пилу, которая всё ещё крутилась на полу, и меня настиг безумный страх. В голове всплыли воспоминания о мусоровозе и взорванном источнике тока.

— Я не могу быть настолько невезучим. Нет. Это никак не связано с удачей.

Рассуждения лишь усиливали мою панику. Я выбрался из-под обрушившихся лесов и побежал домой. Учёба сегодня оказалась катастрофически опасным занятием.

Я бежал так, словно меня кто-то преследовал. Оборачиваясь, я видел школу не такой, как раньше. Не храм науки, а место, где я чуть не погиб несколько раз подряд. Лёгкие жгло, ноги подкашивались, как будто я был пьян, а сердце давным-давно билось в экстремальном режиме.

Снова обернувшись, я искал подозрительных людей сзади, но там никого не было. Или, по крайней мере, я никого не видел.

Когда я добрался до своего двора, силы почти закончились. Я остановился возле подъезда и упёрся лбом во входную дверь. Длинный код от домофона невероятно раздражал, но я справился с ним даже дрожащими руками. В груди вновь заболело, но не от бега. Я-то знаю, как болит, когда перестараться с бегом.

— Спокойно, — пробормотал я, поднимаясь по лестнице.
— Просто не мой день. Просто не выспался.

Поднявшись на этаж, я хотел отворить дверь ключом, но она была не заперта.

— Забыл закрыть?

Я толкнул дверь, вошёл в квартиру и начал думать о плохом.

— Лёх? — позвал я.

Из комнаты донёсся невнятный голос:

— А-а?

Лёха на месте. Хоть дома всё пока что нормально.

Я скинул кроссовки и прошёл в комнату. Лёха лежал в кровати, но уже не спал, а листал что-то в телефоне.

— Опять рилсы часами листаешь?

Он лениво повернул голову в мою сторону и затем вернул взгляд в телефон. Я лёг на кровать и пытался отдышаться.

— Школа школой, а рилсы сами себя не посмотрят, — Лёха вновь подвигал большим пальцем по экрану. — Ого, смотри, какой орешек у этой.

Лёха показал мне экран телефона, но мне было глубоко

наплевать.

— Да, супер.

— Ты чего такой грустный? — спросил он. — Током ударило на физике?

Я уставился на него, не меняя расслабленной позы на кровати.

— Очень смешно.

— Ничего себе. Я что, попал в точку? — Лёха оживился.

— Как сказать. Сперва меня чуть не сбил мусоровоз, затем на физике взорвался источник тока. И на десерт меня чуть не распилило дисковой пилой и не прибило строительными лесами.

Я не стал рассказывать про инцидент в туалете, потому что это было слишком странно даже для меня, а я обычно не распространяюсь о том, чего не могу объяснить самостоятельно.

— Слушай, если ты так пытался впечатлить Петровну, чтобы она отправила тебя домой, то уважаю. Масштабно работаешь.

— Мне не до шуток.

— Да я тоже серьёзен, — он почесал затылок и отложил телефон. — Подожди, какая ещё пила?

— Обычная, круглая такая. Выглядит опасно. Рабочий не удержал, но ей не хватило провода, чтобы долететь до меня, — я выдохнул. — А потом он свалился с лесов, и те рухнули тоже. Прямо на меня.

— И ты сумел выжить?

— Как видишь.

Лёха хмыкнул и снова уткнулся в телефон.

— Знаешь, это всё звучит, как будто ты в игре. Может, ты переиграл вчера малясь? — он рассмеялся.

Я криво дёрнул губами. На мгновенье стало легче. Почти хорошо. словно эти события можно списать на разгулявшуюся фантазию.

— Я бы придумал что-то получше.

— Да уж, геймдизайн в нашей жизни такой себе.

Я почувствовал странный запах.

Гарь.

Не настолько сильная, чтобы сразу запаниковать. Тонкая, неприятная, тягучая, как след от спички. Я вскочил с кровати и принялся.

— Ты что? — спросил Лёха.

— Не чувствуешь?

— Это не я, если что.

Лёха с недоверием взглянул на меня и усмехнулся.

— Чем-то горелым пахнет.

Лёха тоже принялся, пожал плечами и продолжил листать рилсы.

— Не-а, всё нормально.

Я молча вышел из комнаты. Запах не исчезал. Наоборот — становился чётче, отделяясь от остальных запахов квартиры: старой мебели, порошка, хлеба, влажности в ванной.

Я принюхивался сильнее и начинал бояться.

Я дошёл до кухни и открыл окно. Выглянув во двор, не увидел ничего. Ни дыма, ни пожарных, ни кричащих соседей. Совершенно обычный двор. Машины на парковке. Всё настолько обыденно, что запах казался более зловещим.

Я проверил плиту: пощёлкал выключателями, потрогал конфорки и глянул в духовку. Заглянул в мусорное ведро — выбрасывал вчера вечером, поэтому пустое. Проверил все шкафчики.

— Что я делаю? Как будто псих какой-то, — прошептал я. Запах не исчезал.

Вместе с ним пришло воспоминание, похожее на мышечную память. словно тело уже однажды испытывало такое и узнало это быстрее головы.

Я замер среди кухни и схватился за край стола. На мгновение мне показалось, что стены дрожат. В этот момент в голове вспыхнули кадры, похожие на воспоминания: тёмный коридор, пламя, треск дерева, горячий воздух и выжженный кислород. Чья-то рука. Непонятная. Исчезла быстрее, чем я успел что-то осознать.

Я зажмурился и через пару секунд открыл глаза. Всё вокруг было, как всегда. Но сердце билось так, словно я пробежал стометровку.

Я налил себе воды из-под крана и выпил залпом. Лучше не становилось.

Всё вокруг стояло на своих местах: стул возле стола; чаш-

ка — на краю столешницы, там, где бросил её утром. Холодильник раздражающе гудел. Мозг иногда шалит, когда плохо спишь. Видимо, это правда.

Вечером, стоя в душе, я убедил себя, что нужно взять себя в руки. После душа я несколько часов занимался, но то и дело ловил себя на том, что перечитываю одну и ту же строчку по нескольку раз. Мысли блуждали и возвращались к утру.

Мусоровоз, источник тока, пила, леса, гарь.

Всякое могло произойти раздельно, но только не всё одновременно. За один день. Такое уже не похоже на случайность. Даже если так, мне всё равно некому было рассказать об этом, чтобы меня не сочли сумасшедшим или учеником, который придумал хороший способ прогуливать.

За окнами стемнело, и квартира стала казаться меньше. Лёха второй день подряд засыпал неожиданно рано и каждый раз с телефоном в руках. Я вытащил телефон из его руки и положил на тумбочку.

— А ты подсел на эти рилсы, да? — я усмехнулся.

Вечер казался мне удивительно спокойным, несмотря на первую половину дня. Я вновь осмотрел квартиру, когда выключал свет перед сном. Откуда-то снова тянуло гарью, но я уже принюхался и едва ли замечал инородный запах.

Абсолютно чистая и нормальная квартира.

Я был бы счастлив найти источник гарь, но уже настолько отчаялся, что решил спать как есть. Даже если что-то всё-таки горит неподалёку. Ничего не поделать.

Наконец, я лёг.

Тяжёлое прохладное одеяло казалось приятной наградой за сумбурный день. Я повернулся на бок, затем на спину и на другой бок. Сон не приближался. Бесконечный шум из мыслей не позволял расслабиться ни на секунду.

Я смотрел в тёмный потолок и думал, что будет, если ночью в нашу квартиру прилетит метеорит. Это ведь не такое редкое событие после сегодняшнего дня? Наверное, нас уже больше не будет после этого.

Я дёрнулся и перевернулся на другой бок. Лёха сопел у стены напротив. За окном иногда проезжали машины по мокрому асфальту. Всё было обычно. Как всегда.

Но я больше не чувствовал себя в безопасности.

Я глубоко вздохнул.

Гарь.

Куда сильнее, чем днём.

Я медленно повернул голову к двери.

На одно страшное мгновение Надоедливый, раздражающий, мерзкий звук.

Я с трудом разлепил глаза. Голова уже изрядно болела — потому что лёг я спать сегодня, а не вчера. Будильник звенел так, словно меня били молотком по голове. Моргнув несколько раз, я нашёл телефон под подушкой и смахнул ползунок будильника. На потрескавшемся экране появилось фото девчонок из «Blackpink» в полном составе, а чуть выше их лиц — внушительные цифры.

Одиннадцать тридцать пять.

Понадобилось несколько секунд, чтобы осознать эти неприятные цифры.

Сильный выдох — и прыжок из кровати, как пируэт ужаленного артиста балета.

— Твою же мать. Такого не бывает! — провизжал я на всю квартиру, совершенно наплевав на спящего на соседней кровати Лёху. Зависть пропитала меня насквозь: он сладко спал, обняв скомканное одеяло, словно его вообще не интересовала школа. Вот бы и мне стать таким крутым, как он.

Мысли разогнали мозг до скорости света. Я носился по комнатам, одновременно надевая брюки и умывая лицо. Зубной щёткой я решительно пренебрёг, убедившись, что запаха нет. Закинув в рот кусок хлеба с ветчиной, я рванул вниз по лестнице, перепрыгивая по две-три ступеньки за раз.

Первые два урока успешно пропущены, но на третий ещё был шанс успеть. Я бежал по улице, минуя давным-давно наскучившие виды вокруг дома. Первая остановка — у светофора на пешеходном переходе. Девяносто секунд, которые каждый день раздражали своей длительностью.

— Как же долго, — завопил я, пока цифры на светофоре почти не менялись.

Как только загорелся зелёный, я побежал и через мгновение услышал клаксон. Растерявшись, я не оценил ситуацию и решил просто остановиться. Раздался звук резкого торможения и неприятный свист колодок. Я повернул голову на

звук — и передо мной выросла огромная кабина мусоровоза. Накатил выброс адреналина пополам со страхом. Ноги не слушались, а в голове рисовались картинки конца жизни.

Мусоровоз успел остановиться. Он тихонько подкатывал ко мне последние десять сантиметров, чтобы нежно чмокнуть своим зелёным кузовом. Чёрт возьми! Он украл мой первый поцелуй. Я встрепенулся и отскочил на несколько шагов. Страх окончательно покинул меня, и я почувствовал прилив ярости. Кажется, я даже вошёл в режим берсерка из видеоигр.

— У меня зелёный, мудак! — возмутился я.

Водитель мусоровоза вышел из кабины и выглядел невероятно злым и неприятным. Я взглянул на ситуацию и понял, что эту битву мне не выиграть. Колени перестали быть ватными только через пару секунд, когда уже можно было делать вид, что я не испугался до смерти.

— Смотреть нужно по сторонам, молокосос

Водитель приближался, и всё шло к воспитательному рукоприкладству, поэтому я тут же побежал дальше в школу.

Опоздания ни к чему хорошему не приведут — об этом мне талдычили всю школу. Как-то всё равно дожил до одиннадцатого класса.

В школе я выполнил воинское приветствие на бегу в сторону охранника, когда проходил через турникет. Тот взглянул на меня, как на полнейшего идиота:

— К непокрытой голове не прикладывают. Вот молодёжь

пошла же, — рывкнул нелепый дед в костюме охранника.

Добежав до третьего этажа, я ворвался в кабинет физики. Наклонился, схватился за колени, пытаюсь отдышаться.

— Елизавета Петровна, простите за опоздание. Разрешите войти? — Дыхание выровнялось быстро, потому что такие забеги до школы случались нередко: я всегда до последнего тяну с подъёмом. И всё же я всегда приходил к первому уроку, а сегодня случился некий саботаж. Не иначе. Сработал только последний, аварийный будильник, который я всегда устанавливаю на форс-мажорный случай.

Упитанная училка пятидесяти лет с причёской, как у артистов в 80-х годах, взглянула на меня с презрением и возмутилась:

— Как любезно с твоей стороны, Мирон, заглянуть на мой урок. — Одноклассники смеялись над её словами так, будто это был первоклассный стендап. — Заходи, но только потому, что у тебя хорошие оценки по физике.

— Будильник не прозвонил, — пробормотал я уже тише, потому что не ожидал, что мои оправдания окажутся никому не интересны.

Я сел за парту. Обычно я сидел за партой с Лёхой, но сегодня у меня был выбор между Наташей и Жекой. Я не общался ни с кем из них особо, потому что первая была напыщенной девчонкой со странным крючковатым носом и подмоченной репутацией, а второй — не менее высокомерным отличником с необычным отношением к гигиене. Я сел с На-

ташей, рассчитывая сохранить обоняние.

Сегодня было одно из занятий в рамках повторения пройденного материала, чтобы освежить знания перед экзаменами.

— Соберём простую схему с лампочкой, потенциометром и источником тока. Потом включите источник, — скомандовала Петровна.

Задача была очень простой. Мы проходили это несколько классов назад. Я собрал типовую электрическую схему и вставил минимальное сопротивление у потенциометра. Затем подключил схему к источнику тока и взял вилку, чтобы воткнуть её в розетку. Я поднёс её к розетке, и в двадцати сантиметрах от неё источник тока взлетел в воздух. Древняя коробочка размером с рюкзак долетела до потолка и рухнула на мой стол. Наташа завопила, а я едва успел отреагировать, потому что не мог сопоставить в голове, что произошло не так. Я ведь даже не успел воткнуть вилку в розетку. Я взглянул на провод в руке и заметил, что он выгорел в нескольких сантиметрах от вилки. Бред какой-то.

Одноклассники рассмеялись. Наташа смотрела на меня как на идиота, а я даже не знал, как объяснить ей, насколько абсурдно всё это. Петровна подошла посмотреть, что произошло:

— Схема верная. Видимо, просто не повезло.

— Не повезло? Он просто взорвался без электричества. Вы уверены, что это можно связать с везением? Это ведь бы-

ла взрывчатка, — ответил я.

— Смешная шутка, Мирон. Более нелепого оправдания после уничтожения школьного инвентаря я за всю свою карьеру не слышала. Лучше больше не говори эту чушь про взрывчатку никому, а то придётся разговаривать с полицией, — фыркнула Петровна и ушла к своему столу.

— А как иначе он взлетел до потолка и задымился? — Я нахмурился, потому что меня разозлили пустые обвинения Петровны.

— Я смотрела на Марину, поэтому не видела, что произошло. Думаю, ты подключил что-то не так. Возьмите другой источник, но будьте осторожнее. Пусть лучше Наташа подключит.

Я хмурился и смотрел, как Наташа, которая не смогла бы даже написать формулу третьего закона Ньютона, легко справилась с этим заданием.

— Чушь какая-то, — прошептал я.

— Что? Всё ведь достаточно просто, — ответила Наташа.

Я смотрел в её глаза и видел, что она не поняла бы, что произошло, даже если я попробовал бы объяснить.

— Наверное, я просто не выспался, — я выдохнул и попытался отвлечься, но размышления иногда возвращали меня к этой ситуации.

Через пятнадцать минут Петровна ходила между рядами парт и пробовала крутить потенциометр у каждой пары учеников, чтобы увидеть изменение яркости лампочки.

— Я и не сомневалась, что вы все справитесь. Мирон, конечно, сжёг один источник тока, но это по большей части моя вина, — огласила Петровна, и прозвенел звонок. — Все получают пятёрки за классную работу. Урок окончен.

Я вышел из кабинета одним из последних. В классе было всего шестеро парней, поэтому на переменах мы всегда кучковались перед дверью в кабинет следующего урока. Погружённый в размышления, я едва замечал, что происходит вокруг.

Сперва мусоровоз, затем источник тока — у меня никак не укладывалось в голове такое количество случайностей за одно утро. Крашенные коричневые доски пола одна за одной пролетали перед взглядом. Невнимательный водитель, возможно, куда-то торопился. Источник тока слишком старый, чтобы работать хорошо. По отдельности события действительно выглядели случайными, но они произошли почти сразу друг за другом.

Неприятный хлопок по плечу от одноклассника привёл меня в чувство. Это был Кирилл. Почти лысый, слушает рэп и ассоциируется у меня с гопником из-за своего стиля в одежде.

— А это ты нормально придумал на физике. Петарду подложил под источник? — Кирилл был навеселе, нескончаемо улыбался и говорил звонко.

Я взглянул на него, когда он подтолкнул меня в небольшой мужской круг на скамейке возле кабинета географии.

— Да нет же. Если бы это была петарда, то воняло бы на весь кабинет. Я не знаю, что случилось. Он просто взорвался, — возмутился я, не скрывая своей неприязни к такому обвинению.

Я переглянулся с остальными. Мне как будто никто не верил.

— Просто так электроприборы не взрываются, — сказал Жека. — Источник бы задымился или вовсе не включился. А такие взрывы со взлётами только в фильмах бывают.

Я смотрел на Жеку, стараясь не показывать всего своего отвращения, но хмурые брови никуда не уходили. В голове крутилось столько оскорблений, подходящих для него. В основном о его не самой впечатляющей внешности. Но я был уже в том возрасте, когда понимал, что у всякого слова есть последствия.

— Ну, значит, мы живём в фильме. Я даже в розетку подключить не успел, а он уже взорвался, — ответил я, но быстро понял, что про розетку говорить не стоило.

— Да ты себя закапываешь сам, — говорил Кирилл, а парни поддержали его смехом. — Тогда остаётся только петарда!

— Какая петарда, блин? — фыркнул я.

— Я с отцом на даче однажды зарядил несколько корсаров и накрыл кастрюлей. Кастрюля тогда метров на тридцать вверх рванула, — Жека говорил это так воодушевлённо и буднично, что мне становилось мерзко.

— Поздравляю! Можете начинать свою космическую программу, — буркнул я.

— А что? Я планирую учиться на конструктора космических аппаратов.

Я взглянул на часы в центре огромного холла. До урока ещё оставалось минут пять, поэтому я отошёл от толпы одноклассников и направился в туалет.

Если подумать, такой эффектный пируэт от источника тока могла вызвать только петарда. Да и звук был соответствующий. Тогда мне повезло, что я не трогал сам прибор руками.

В туалете я почувствовал резкий запах гари, словно только что жгли что-то.

— Как будто других мест нет, — фыркнул я и подошёл к раковине.

Я почувствовал, как что-то сжимает мою грудь, а затем взглянул в зеркало и увидел пламя. Бесконечные языки пламени. Старый горящий дом, а я внутри него.

Я выбежал из туалета, и раздался невероятно громкий звонок на урок. Подняв голову, я заметил, что стою прямо под звонком.

Запах гари развеивался, но всё ещё ощущался достаточно стойко. Сильнейшая дезориентация пришла вместе с болью в груди и ошеломительным звонком. Я едва стоял на ногах, держась руками за стену. Она двигалась, кружилась и уж точно не стояла на месте.

— Что со мной происходит? — прохрипел я, как будто вся вода исчезла изо рта.

Звонок внезапно остановился, и я вновь пережил ощущения последних пяти минут, но в ускоренном режиме. Словно это всё сконцентрировалось в один кулак на быстрой перемотке. Кулак мощно ударил по моему солнечному сплетению, отчего я отлетел на метр назад и приземлился на пол.

Ощущения были такие, словно меня несколько раз провернули изнутри через мясорубку. Меня тошнило, а голова была такой тяжёлой, что я едва удерживал равновесие. Я попытался стошнить, но у меня получилось только плюнуть пару раз.

Всё закончилось так же быстро, как и началось. Моё лицо было красным, и я не понимал, что происходит. Мне показалось, что дело в школе, поэтому я сразу же рванул на улицу. Десятки метров коридора пролетели мгновенно, так же, как и четыре пролёта лестницы. Я вылетел из здания мимо охранника с его грёбаным турникетом и остановился на крыльце. Согнувшись, я держался за колени и пытался отдышаться.

— Такого не бывает, — бормотал я. — Этого просто не может быть.

Глубоким дыханием я пытался совладать с настигнувшей панической атакой. Пульс участился настолько, что я слышал биение сердца в висках.

Сперва я подумал, что нужно бы вернуться. Выпрямив-

шись, я взглянул на дверь. Охранник наблюдал сквозь стекло так невозмутимо, словно видел подобное уже не раз.

Ну его на хрен. Не пойду.

Отойдя от крыльца в сторону, я прильнул спиной к стене школы. Панические атаки случаются — в этом нет ничего страшного. Я всего лишь немного психанул. Постепенно пульс и дыхание выровнялись. Щёки всё ещё пылали от жара. Я утёр пот со лба ладонями и помассировал виски — руки оказались ужасно ледяными. Два странных события за одно утро. Немало, но всякое случается. Главное, что я жив.

Я оттолкнулся от стены.

Сверху послышался крик. Я повернул голову и увидел, как в меня летит включённая дисковая пила. Периферийным зрением я видел падающего со строительных лесов рабочего и накренившиеся леса.

— Закусила, сука! — кричал рабочий в полёте.

Всё это было как в замедленном времени. Пила долетела до меня и остановилась в метре от ног, потому что у неё кончился провод. Она упала на землю и несколько раз подскочила, приземляясь на диск. Рабочий рухнул на клумбу и приземлился вполне безопасно. Строительные леса рухнули прямо на меня. Я остался цел — угодил в просвет окна между железными трубами.

Я взглянул на дисковую пилу, которая всё ещё крутилась на земле, и меня настиг безумный страх. В голове всплыли воспоминания о мусоровозе и взорванном источнике тока.

— Я не могу быть настолько невезучим. Нет. Это никак не связано с удачей.

Рассуждения лишь усиливали мою панику. Я выбрался из-под обрушившихся лесов и побежал домой. Учёба сегодня оказалась катастрофически опасным занятием.

Я бежал так, словно меня кто-то преследовал. Оборачиваясь, я видел школу не такой, как раньше. Не храм науки, а место, где я чуть не погиб несколько раз подряд. Лёгкие жгло, ноги подкашивались, как будто я был пьян, а сердце давным-давно билось в экстремальном режиме.

Снова обернувшись, я искал подозрительных людей сзади, но там никого не было. Или, по крайней мере, я никого не видел.

Когда я добрался до своего двора, силы почти закончились. Я остановился возле подъезда и упёрся лбом во входную дверь. Длинный код от домофона невероятно раздражал, но я справился с ним даже дрожащими руками. В груди вновь заболело, но не от бега. Я-то знаю, как болит, когда перестарался с бегом.

— Спокойно, — пробормотал я, поднимаясь по лестнице.
— Просто не мой день. Просто не выспался.

Поднявшись на этаж, я хотел отпереть дверь ключом, но она была не заперта.

— Забыл закрыть?

Я толкнул дверь, вошёл в квартиру и начал думать о плохом.

— Лёх? — позвал я.

Из комнаты донёсся невнятный голос:

— А-а?

Лёха на месте. Хоть дома всё пока что нормально.

Я скинул кроссовки и прошёл в комнату. Лёха лежал в кровати, но уже не спал, а листал что-то в телефоне.

— Опять рилсы часами листаешь?

Он лениво повернул голову в мою сторону и затем вернул взгляд в телефон. Я лёг на кровать и пытался отдышаться.

— Школа школой, а рилсы сами себя не посмотрят, — Лёха вновь подвигал большим пальцем по экрану. — Ого, смотри, какой орешек у этой.

Лёха показал мне экран телефона, но мне было глубоко наплевать.

— Да, супер.

— Ты чего такой грустный? — спросил он. — Током ударило на физике?

Я уставился на него, не меняя расслабленной позы на кровати.

— Очень смешно.

— Ничего себе. Я что, попал в точку? — Лёха оживился.

— Как сказать. Сперва меня чуть не сбил мусоровоз, затем на физике взорвался источник тока. И на десерт меня чуть не распилило дисковой пилой и не прибило строительными лесами.

Я не стал рассказывать про инцидент в туалете, потому

что это было слишком странно даже для меня, а я обычно не распространяюсь о том, чего не могу объяснить самостоятельно.

— Слушай, если ты так пытался впечатлить Петровну, чтобы она отправила тебя домой, то уважаю. Масштабно работаешь.

— Мне не до шуток.

— Да я тоже серьёзен. — Он почесал затылок и отложил телефон. — Подожди, какая ещё пила?

— Обычная, круглая такая. Выглядит опасно. Рабочий не удержал, но ей не хватило провода, чтобы долететь до меня, — я выдохнул. — А потом он свалился с лесов, и те рухнули тоже. Прямо на меня.

— И ты сумел выжить?

— Как видишь.

Лёха хмыкнул и снова уткнулся в телефон.

— Знаешь, это всё звучит, как будто ты в игре. Может, ты переиграл вчера малясь? — Он рассмеялся.

Я криво дёрнул губами. На мгновение стало легче. Почти хорошо. Словно эти события можно списать на разгулявшуюся фантазию.

— Я бы придумал что-то получше.

— Да уж, геймдизайн в нашей жизни такой себе.

Я почувствовал странный запах.

Гарь.

Не настолько сильная, чтобы сразу запаниковать. Тонкая,

неприятная, тягучая, как след от спички. Я вскочил с кровати и принюхался.

— Ты что? — спросил Лёха.

— Не чувствуешь?

— Это не я, если что.

Лёха с недоверием взглянул на меня и усмехнулся.

— Чем-то горелым пахнет.

Лёха тоже принюхался, пожал плечами и продолжил листать рилсы.

— Не-а, всё нормально.

Я молча вышел из комнаты. Запах не исчезал. Наоборот — становился чётче, отделяясь от остальных запахов квартиры: старой мебели, порошка, хлеба, влажности в ванной. Я принюхивался сильнее и начинал бояться.

Я дошёл до кухни и открыл окно. Выглянув во двор, не увидел ничего. Ни дыма, ни пожарных, ни кричащих соседей. Совершенно обычный двор. Машины на парковке. Всё настолько обыденно, что запах казался более зловещим.

Я проверил плиту: пощёлкал выключателями, потрогал конфорки и глянул в духовку. Заглянул в мусорное ведро — выбрасывал вчера вечером, поэтому пустое. Проверил все шкафчики.

— Что я делаю? Как будто псих какой-то, — прошептал я.

Запах не исчезал.

Вместе с ним пришло воспоминание, похожее на мышечную память. Словно тело уже однажды испытывало такое и

узнало это быстрее головы.

Я замер посреди кухни и схватился за край стола. На мгновение мне показалось, что стены дрожат. В этот момент в голове вспыхнули кадры, похожие на воспоминания: тёмный коридор, пламя, треск дерева, горячий воздух и выжженный кислород. Чья-то рука. Непонятная. Исчезла быстрее, чем я успел что-то осознать.

Я зажмурился и через пару секунд открыл глаза. Всё вокруг было, как всегда. Но сердце билось так, словно я пробежал стометровку.

Я налил себе воды из-под крана и выпил залпом. Лучше не становилось.

Всё вокруг стояло на своих местах: стул возле стола; чашка — на краю столешницы, там, где бросил её утром. Холодильник раздражающе гудел. Мозг иногда шалит, когда плохо спишь. Видимо, это правда.

Вечером, стоя в душе, я убедил себя, что нужно взять себя в руки. После душа я несколько часов занимался, но то и дело ловил себя на том, что перечитывал одну и ту же строчку по нескольку раз. Мысли блуждали и возвращались к утру.

Мусоровоз, источник тока, пила, леса, гарь.

Всякое могло произойти отдельно, но только не всё одновременно. За один день. Такое уже не похоже на случайность. Даже если так, мне всё равно некому было рассказать об этом, чтобы меня не сочли сумасшедшим или учеником, который придумал хороший способ прогуливать уроки.

За окнами стемнело, и квартира стала казаться меньше. Лёха второй день подряд засыпал неожиданно рано и каждый раз с телефоном в руках. Я вытащил телефон из его руки и положил на тумбочку.

— А ты подсел на эти рилсы, да? — Я усмехнулся.

Вечер казался мне удивительно спокойным, несмотря на первую половину дня. Я вновь осмотрел квартиру, когда выключал свет перед сном. Откуда-то снова тянуло гарью, но я уже принялся и едва замечал инородный запах.

Абсолютно чистая и нормальная квартира.

Я был бы счастлив найти источник гари, но уже настолько отчаялся, что решил спать как есть. Даже если что-то всё-таки горит неподалёку. Ничего не поделать.

Наконец, я лёг.

Тяжёлое прохладное одеяло казалось приятной наградой за сумбурный день. Я повернулся на бок, затем на спину и на другой бок. Сон не приближался. Бесконечный шум из мыслей не позволял расслабиться ни на секунду.

Я смотрел в тёмный потолок и думал, что будет, если ночью в нашу квартиру прилетит метеорит. Это ведь не такое редкое событие после сегодняшнего дня? Наверное, нас уже больше не будет после этого.

Я дёрнулся и перевернулся на другой бок. Лёха сопел у стены напротив. За окном иногда проезжали машины по мокрому асфальту. Всё было обычно. Как всегда.

Но я больше не чувствовал себя в безопасности.

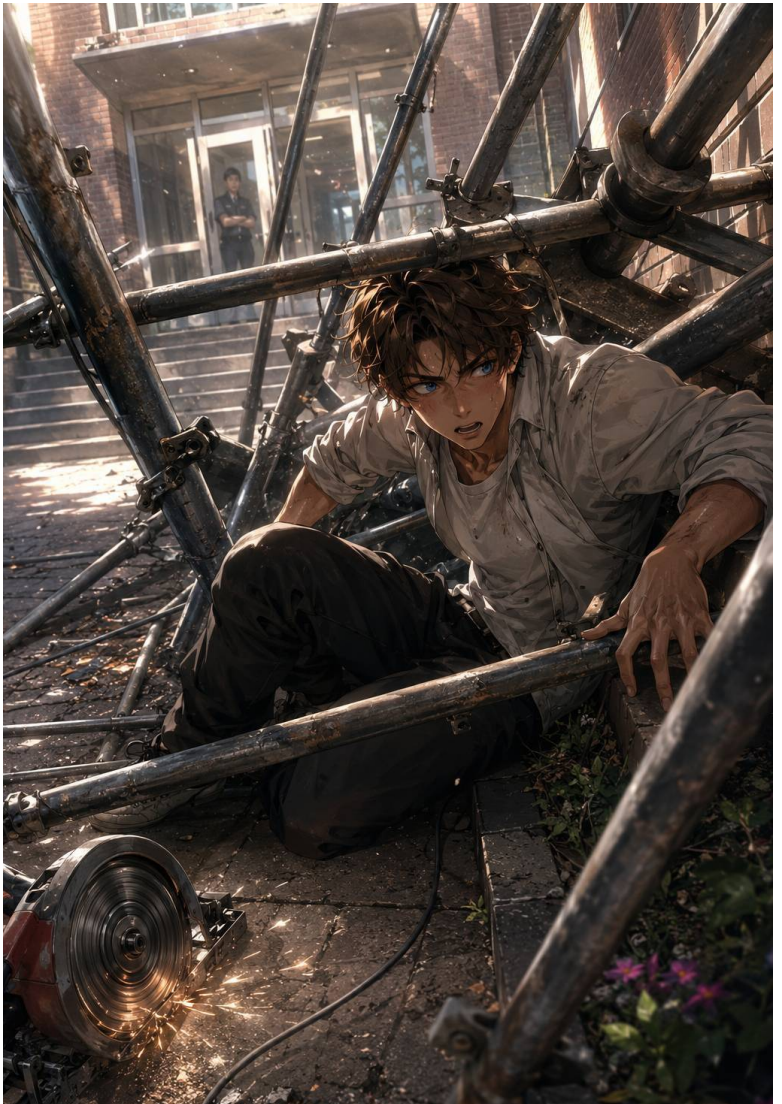
Я глубоко вздохнул.

Гарь.

Куда сильнее, чем днём.

Я медленно повернул голову к двери.

На одно страшное мгновение перед сном я заметил, что в темноте за ней кто-то стоит.

Глава 2

Силуэт, который привиделся мне в дверях перед сном, не выходил из головы всю ночь. Я видел его в любом месте, достаточно тёмном, чтобы воображение дорисовало фигуру.

Я вскочил с кровати по первому сигналу будильника, словно вокруг было море врагов. После целой ночи рваного сна — по десять минут урывками — тревожность выросла до предела.

Лёха уже проснулся и был в другой комнате.

— Хорошо, Мирон. Сегодня всё будет иначе, — прошептал я, собираясь с силами.

Плохие дни случаются, и я не собирался портить себе жизнь из-за этого. Я дошёл до двери и взглянул на пол. На нём был серый песок, словно кто-то прошёл в уличной обуви. Я вздохнул и прогнал плохие мысли. Мы редко убирались в квартире, поэтому грязь была обычным делом.

Лёха вышел из душа, пока я рассматривал грязь.

— Доброе утро, везунчик. Сегодня пойдём случайно останавливать самосвал головами? — он засмеялся и прошёл в комнату.

— Ха-ха-ха, — саркастично пробормотал я без толики веселья. — Иногда ты такой смешной, что удивляюсь, почему до сих пор не в костюме клоуна.

— А? Он в стирке просто, — Лёха оделся, пока я чистил

зубы и грыз хлеб с ветчиной. — На всякий случай сегодня буду держаться поближе к тебе, а то вдруг возле тебя случайно появится смерч и задерёт юбки девчонкам вокруг.

Я усмехнулся.

— Это была неплохая.

Вскоре мы вышли из квартиры.

Сегодня мы шли прогулочным шагом, поэтому я мог внимательно осматриваться. Будто пытался просчитать вероятность случайной смерти от любого события вокруг. Стекло­янный козырёк над входом в аптеку выглядел ненадёжно. Маршрутка ехала слишком близко к бордюру. Мужик с шуруповёртом вешал кондиционер на третьем этаже дома на­против; молоток странно болтался у него на тонком ремне. Даже взять то же дерево слева от меня — нельзя быть уве­ренным, что оно сейчас не разломится надвое, а одна его часть удачно полетит в мою сторону. Я замечал всё это одно за другим и пытался сложить в голове. Раньше бежал сломя голову или залипал в телефоне. Теперь словно был везде и контролировал каждого. Это изнуряло похлеще шести уро­ков в школе. Оказалось, что угрозы ждали меня на каждом шагу.

— Ты какой-то угрюмый сегодня, — начал Лёха, доставая мятную жвачку. Я взял у него одну пластинку.

— Ничего ночью необычного не заметил? — спросил я, жуя жвачку.

— Чува-а-ак, ночью такая чертовщина творилась. Всю

ночь во сне Петровна учила меня половому воспитанию. Проснулся в мокром поту. Поэтому решил сегодня в школу пойти, чтобы ненароком не уснуть ещё раз, пока сон не забыл.

— Нельзя же быть таким озабоченным. Господи.

— Как это нельзя? Можно!

Мы остановились у светофора перед пешеходным переходом. Место, где вчера на меня чуть не наехал мусоровоз. Я внимательно осматривался по сторонам, выискивая вдалеке грузовики. Всё было чисто.

— Тебя за ручку взять или сам пройдёшь через переход?

— спросил Лёха.

Я посмотрел на него недовольным и даже слегка недружелюбным взглядом.

— Ты меня как будто провоцируешь. Мы же из одного дома, знаешь, что я могу и неправильно понять, — фыркнул я в ответ.

Загорелся зелёный, и мы без проблем прошли переход. Я с облегчением выдохнул.

Школа сегодня выглядела иначе. Я мысленно отмечал все двери на выход, а у главного входа на пару минут застрял возле плана эвакуации. Залип на нём, как сумасшедший.

Во время большой перемены Кирилл хвастался своей новой зажигалкой из стали, как в американских боевиках.

— Она такая прикольная. Смотрите, как можно делать, — он открывал и закрывал её большим пальцем, словно пока-

зывал трюк. Затем нашёл ползунок для изменения высоты огня и выкрутил его на максимум. Пламя поднялось на десять сантиметров.

Оно выглядело завораживающим, и я с трудом отводил взгляд. Пламя всё время клонилось в мою сторону, отчего Кирилл слегка обжёг пальцы.

— Идиотский ветер сегодня, — буркнул он.

Я смотрел на зажигалку дольше, чем стоило. Огонь тянулся ко мне так, будто узнавал меня. И самое страшное — меня это не пугало.

— Сегодня ведь совсем безветренно, — заметил я.

Парни промолчали, а Кирилл убрал зажигалку в карман.

— Нам пора на физ-ру, — напомнил Кирилл.

— Оксаночка не любит опоздания, — пошутил Лёха.

Учитель физкультуры постоянно менялся в школе. В этом году была молодая волейболистка на подработке. Мы не уточняли подробности её жизни, поэтому не знали, занимается ли она волейболом профессионально. Но все парни точно знали, что у неё весьма волейбольное телосложение.

В уставшем спортивном зале с волейбольной сеткой по центру нас, как обычно, разделили на команды расчётом на первый-второй. Сперва шла короткая разминка, где Оксана постоянно отвлекалась на телефон. Затем волейбольный матч до конца урока. В общем-то, у учителя физкультуры не пыльная работёнка.

— Ты когда это научился подавать в прыжке? — спросил

Лёха.

Я не совсем понял суть вопроса, потому что сделал такую подачу не специально. Просто некое наитие, а затем спонтанное исполнение.

— Не знаю. Подумал, что сейчас лучшее время, чтобы по-пробовать. Вроде получилось неплохо, — ответил я.

— Ещё бы! Эйс.

Мяч действительно никто не отбил.

Я взглянул на выход из спортзала. Коричневые двери с облезшим лаком, золотые ручки. На пороге стояла темноволосяя женщина в странной одежде. Я протёр глаза и быстро заморгал.

В дверях никого не было.

— Отойду в туалет, — пробормотал я и побежал к двери.

В коридоре тоже никого не было. Опять показалось?

Вскоре прозвенел звонок.

По дороге домой я почти ничего не говорил, а обходился кивками или сухим согласием на замечания Лёхи по поводу необычности шорт Оксаны сегодня. Мы обсуждали это после каждой физкультуры по дороге домой и каждый раз находили что-то новое в шортах, которые видели уже десятки раз.

Дома я боялся погрузиться в мысли и не придумал ничего лучше, чем начать уборку.

— Я приберусь немного, а то в таком сраче жить невозможно, — фыркнул я на Лёху.

Лёха надел наушники и прыгнул в кровать.

— Я тебя не слышу-у-у, — он показал пальцами на наушники, а затем ладонью изобразил, как я что-то тараторю, и показал жест, который я понял как «пойди прочь».

Я пожал плечами и перестал обращать на него внимание. Взглянул на компьютер, но играть не хотелось. Иногда такое случалось, но всего лишь иногда.

Уборка началась с кухни. Я почему-то решил, что заодно найду источник гари. Но вместо этого лишь перемыл целую гору посуды, подмёл пол и расставил по шкафам бесконечные пакетики с приправами и коробки с крупой. Мытьё полов я презирал, поэтому эту часть отмёл сразу же.

Так же разобрался и с ванной. Пришлось отмыть очень много кафеля, зарядить несколько стирок и выкинуть закончившиеся банки с гелями для душа и шампунями.

Оставалась только спальня. У меня накопился целый комод бесполезных вещей, которые можно отнести к мусору. Старая привычка из детского дома: сохранять любую вещь на всякий случай. Крайне редко что-то из этого действительно оказывалось полезным.

В верхнем ящике лежало всё самое ценное, а в среднем и нижнем — то, что при первом же переезде отправилось бы в мусорку. Я нашёл небольшую пластиковую коробку с детдомовскими вещами. Внутри было всякое, вплоть до красивых камней. С этими вещами меня связывали воспоминания, многие из которых уже были не такими яркими, как

прежде.

Я рылся в коробке и улыбнулся, когда нашёл лакированный кусок дерева, похожий на шпильку. Он был почти полностью бордовым.

— Первое боевое ранение, — пробормотал я.

Я наступил на эту деревянную шпильку, а вытаскивали её уже с другой стороны ступни. Было очень больно, но сейчас это казалось приятным воспоминанием. С тех пор я внимательнее смотрю под ноги.

Я зацепился пальцами за чёрный шнурок и вытянул его из коробки. На шнурке висел оплавленный кусок железа размером с десятирублёвую монету, но неожиданно тяжёлый. Когда-то это, наверное, имело форму. Оплавленное тиснение трудно различалось. Я называл его медальоном, несмотря на то что он не нёс никакой художественной ценности. Воспитательница рассказывала, что он был со мной, когда меня привезли в детдом, а я не помнил, откуда он у меня.

Я прикоснулся к медальону и почувствовал тепло. Остальные вещи в коробке были холодными, как и полагается, а этот — тёплым. Я сжал его покрепче, чтобы убедиться, что это не очередной плод моего воображения.

В это мгновение грудь прострелило болью так сильно, что слёзы потекли прежде, чем я успел что-либо понять. Ощущение напоминало ту самую шпильку в ноге — только это было скорее огромное бревно с занозами в груди. Я моргнул.

Вокруг меня была не спальня квартиры.

Я увидел зал из тёмного камня, залитый густым багровым светом. Высокие узкие окна с красными стёклами пропускали жаркое сияние, а величественные колонны тонули в полутьме потолка. Пол под ногами был горячим, словно его нагрели изнутри. Воздух был таким тяжёлым, что не располагал к приятному времяпрепровождению. Металлический запах ощущался навязчивее, чем хотелось бы. На стенах между колоннами виднелись барельефы — фигуры и символы, вытесанные из того же тёмного камня. Это казалось местом, где не спорили и не обсуждали, — здесь приказывали и выносили приговоры.

Боль в груди не утихала. Я чувствовал всё очень отчётливо, словно бревно, которым пронзили меня, медленно двигали вперёд и назад, чтобы внутри осталось побольше заноз. От круга между рёбрами исходила другая боль, похожая на сильнейший ожог.

Я сжимал зубы, но не кричал. Я чувствовал себя младше, физически слабее, но при этом куда сильнее внутренне. Я знал, что совершил непоправимое, и всё равно не считал себя виновным.

Впереди стояла тёмная фигура, скрытая в тени колонны. — Я велел тебе остановиться. Приказал прекратить немедленно, — это был звонкий бас, от которого по телу бежали мурашки, а руки начинали дрожать.

Я моргнул и вновь оказался посреди спальни. Я сидел на полу и медленно обернулся, чтобы посмотреть на Лёху. Он

продолжал слушать музыку с наушниками на голове и за-липать в телефоне, словно только что не произошло ничего необычного.

— Какого чёрта сейчас произошло? — прошептал я, взглянув на медальон.

Я не сразу заметил, как боль в груди исчезла. Спрятал медальон в карман и протёр глаза. Это просто не могло быть выдумкой. Всё выглядело так по-настоящему, даже в видео-играх такого качества не бывает.

— Я как будто уже бывал там.

Было трудно признаться, но мне больше не удавалось объ-яснить видение иначе.

Ближе к ночи я положил медальон под подушку и лёг в кровать. Лёха уже давно спал, а я несколько часов лежал и смотрел в потолок. Тьма окутывала взгляд и тянула глубже в раздумья. Видение ведь было совершенно невероятным, но что же тогда произошло сегодня на самом деле? Неужели мы всё-таки находимся в симуляции, а это был баг программы?

Размышления заводили меня в самые невероятные угол-ки разума, к теориям, которые я читал последние несколь-ко недель. Дуров недавно писал о том, что мы все в симуля-ции. Тогда логично предположить, что в программе завёл-ся баг, который стремится меня уничтожить. Персональный баг, подумать только.

Или, может быть, правительство решило устроить экспе-римент с одним избранным и изводить его случайными со-

бытиями до полусмерти.

Каждая следующая теория была более нелепой, чем предыдущая. Именно это меня и успокаивало.

Я и сам не заметил, как уснул. Словно медленно моргнул, а когда открыл глаза, то увидел всю ту же тьму, только в этот раз тело меня не слушалось.

Я сразу же смекнул, что меня настиг сонный паралич. Об этом постоянно говорят в неожиданных местах, но никогда не думаешь, что это может случиться с тобой. Сколько бы нечеловеческих усилий я ни прикладывал, не удавалось сдвинуть даже палец. На этом я и закончил попытки.

Моё лицо было повёрнуто к двери, глаза — приоткрыты. Я увидел три силуэта в прихожей. Лёгкий лунный свет помогал распознать хоть что-то в темноте. Это была высокая женщина и двое коренастых мужчин. Я различал их по головам: высокий у женщины, картавый бас у одного из мужчин и что-то среднее у второго.

— Мы должны были продумать всё получше — а теперь выглядит так, будто мы серьёзно облажались, — говорила женщина. Её тон был неприятно спокойным и деловым, словно она совсем не беспокоилась о том, что может разбудить меня или Лёху. Они что, каждый день тут такие беседы проводят, пока я сплю?

— Это оказалось не такой уж простой задачей. Мы могли бы убить его уже десятки раз, если бы не эти глупые ограничения, — возмутился бас.

— Не должно быть следов. В приказе об этом сказано чётко: если кто-то узнает, все наши усилия дадут обратный эффект, — ответила женщина.

— Я бы просто прихлопнул его прямо сейчас, в постели. Задание всё равно будет выполнено. Никто не станет вынюхивать, из-за чего парнишка откинулся у себя дома.

— Мы могли бы подстроить всё так, что выглядело бы, как будто это его сосед поджёг квартиру, — впервые заговорил мужчина со средним тембром.

Я испугался и снова попытался совладать с телом, но без толку. Эти мерзавцы сейчас спялят квартиру, а я ничего не могу поделать. Только смотреть и слушать.

— В его жизни уже был такой эпизод, поэтому второй раз будет выглядеть слишком подозрительно, — напредила женщина.

В моей жизни уже был такой эпизод? Да что несёт эта женщина? Я точно не помню такого момента. Может быть, я сейчас всё-таки больше сплю, чем нет.

— Ладно, у нас ещё осталось немного искр. У меня около трёх сотен, — ответил бас, и они сверились с цифрами на наручных часах. Хотя, может быть, это были и не часы вовсе. — У нас у всех плюс-минус одинаково.

— Да, завтра попробуем ещё раз. Сотню нужно оставить на возвращение, иначе мы тут застрянем надолго, — ответила женщина.

— Я думаю, цель уже начинает что-то подозревать. В про-

шлый раз мы перестарались с количеством попыток, — сказал мужчина со средним тембром.

Я знал, что вчера всё было не случайностью! Я знал это, твари. Я чуть не выпрыгнул из кровати от радости, но телу сейчас было на это совершенно наплевать. Подумать только, я обрадовался тому, что меня планировали убить, а не тому, что события оказались случайностью.

— Мы боялись, что искры закончатся слишком быстро, поэтому хотели поспешить. Знаешь ли, мы не каждый день выполняем такие задания, — фыркнула женщина.

— Да уж, я и не думал, что такое когда-нибудь случится со мной, — согласился бас.

Силуэт со средним тембром начал двигаться, словно потерял терпение.

— Вы меня уже изрядно замучили. Давайте, я просто задушу его прямо сейчас и всё. Дел на пять минут, — вспыхнул средний.

Мои глаза распахнулись до предела, а зрачки уменьшились от страха. Силуэт приближался.

— Довольно. Мы убьём его утром, когда он будет выходить из дома. Осталось всего пара часов. Потерпи, — рявкнула женщина — так громко, что странно, как Лёха не проснулся.

Эти люди обсуждали меня, как какой-то кусок пирога. Я вообще-то живой человек, а не просто чья-то цель. Хрена с два вы меня убьёте сегодня утром.

Я чувствовал, как паралич начинает ослабевать. Я вскочил с кровати, едва почувствовал силу хотя бы в одной ноге. Но поторопился: тут же упал на пол и съехал к дверному проёму. В квартире уже никого не было, кроме меня и Лёхи. Я взглянул на пол, где стояли убийцы. Серая сухая грязь, как и в тот раз.

Я поднялся на ноги и силой ударил по выключателю. Тот недовольно треснул, но не разбился. В комнате загорелся свет. Конечно же, никаких следов присутствия посторонних, кроме грязи, которая могла быть и от моих кроссовок. Я дошёл до них и перевернул. Подошва была чистой — да и вчера я никуда в грязь не наступал. Подойдя к двери, я убедился, что она заперта. Оставалась единственная зацепка — грязь на полу.

— Вот ублюдки, — разозлился я.

Хотели свести меня с ума, чтобы крыша поехала от паранойи? Ничего у них не получится. Я добежал до кухни и открыл верхний ящик в тумбе. Два керамических шеф-ножа, купленных пару месяцев назад по скидке в магазине возле подъезда, уже были у меня в руках.

Я сел на табуретку и держал ножи так, словно это были два меча, которые спасут мне сегодня жизнь. Будильник Лёхи не звенел — видимо, сегодня он снова решил прогулять.

— Ты тот ещё помощник. Дрыхнешь, когда пригодилась бы твоя помощь, — возмущался я, хмурясь так сильно, что начинала болеть голова. — Ничего, порешаю ублюдков сам.

Я сделал несколько выпадов в воздух, демонстрируя себе мастерское владение боем на двух ножах. Выглядело это, наверное, жалко, но с пустыми руками шансов было ещё меньше. Я увидел своё отражение в зеркале. Никакого боевого взгляда или грозного вида. Всего лишь уставший школьник с кухонными ножами, который возомнил себя Леонардо из Черепашек-ниндзя. Я скорее рассмешу убийц до смерти, чем воспользуюсь ножами.

— И всё. Дел на пять минут.

У меня было ещё полчаса до выхода из дома. Я надевал школьную форму и смотрел на Лёху. Может быть, стоило бы разбудить его? Но что я ему скажу? «Во время сонного паралича я видел троих убийц и теперь совершенно уверен, что они попытаются прикончить меня, когда я выйду из дома»?

— Ты случайно не хочешь сдохнуть вместе со мной? — прошептал я и усмехнулся, когда затягивал ремень.

Я заткнул ножи за ремень — мне это показалось очень крутым способом их носить. Я дошёл до балкона, который выходил на вход в подъезд. Всё вокруг выглядело куда более спокойно, чем в обычный день. Даже детей с рюкзаками и старушек, опаздывающих на автобусы, не было. Машины стояли без внимания, и вокруг было слишком пусто. Это тот самый случай, когда начинают подозревать, что вокруг слишком тихо, чтобы ничего не произошло.

За десять минут до выхода из дома моя уверенность резко упала ниже плинтуса. Я уже не был уверен в своём мастер-

стве боя на ножах, а скорее думал о том, в каком направлении лучше побежать, чтобы меня не прихлопнули сразу же.

Я ходил кругами в прихожей, поглядывая на входную дверь.

— Что будет, если я вообще не выйду из дома?

Это звучало у меня в голове, словно гениальный план. Убийцы ведь не знали, что я слышал их разговор. А если у них всё спланировано, то и сорвать это можно, изменив начальные условия задачи. Я просто подожду. И тут я вспомнил: они говорили что-то про то, что их искры могут закончиться.

Я понятия не имел, что это такое, но поначалу они думали, будто искры заканчиваются быстрее, чем оказалось. У них оставалось три сотни этих искр, а для возвращения им нужно оставить сотню. Но, к сожалению, я не знал, сколько у них было изначально, поэтому не мог прикинуть, с какой скоростью они тратятся.

Итак, время было на моей стороне, а в квартире меня не достанут, потому что они считают, что повторять эпизод из моей жизни — это очень палевно. Прекрасно, что они думали, будто у меня уже однажды сгорала квартира, — и чертовски смешно.

Я смеялся над тем, какие идиоты пытаются меня убить, но в какой-то момент смех прервался звонком в дверь.

Моё состояние в одно мгновение переменилось. Прилив адреналина был настолько мощным, что у меня чуть не под-

косились ноги, а на теле не было ни единого места без мурашек. Ком застрял в горле, а я не мог даже сглотнуть. Я чувствовал, как падает температура тела, а руки начинают дрожать.

Я медленно подошёл к двери и одновременно обнажил керамический клинок. Прекрасно понимая, что из подъезда видно, когда к глазку прислоняется человек, я постарался извернуться так, чтобы лишь украдкой взглянуть в него.

Там стояла женщина. Тёмные волосы, аккуратное каре, белая рубашка, сапоги. Всё выглядело немного искажённо через рыбий глаз дверного глазка, но я был уверен, что это не та женщина, что была в сонном параличе. Эта выглядела странно, словно в одежде не из этого времени. Я набрал полные щёки воздуха и мощно выдохнул. У меня в голове всё ещё крутилась мысль, что квартира — безопасное место, и вряд ли на лестничной клетке стоит одна из убийц.

Я дотянулся дрожащей рукой до ключа и медленно провернул его. Затем нажал на ручку и открыл дверь. Сумев наконец сглотнуть, я пробормотал севшим голосом:

— Здравствуйте. Чем могу помочь?

Глава 3

Я смотрел на женщину, стоящую на лестничной клетке. Она была уже не девчонкой, но и до старости далеко. На вид чуть за тридцать, хотя рядом с ней возраст казался ненадёжной мерой. Карие глаза, чёрное каре, тонкие губы, острые черты лица — вот что бросилось в глаза первым. Я быстро окинул её взглядом с головы до ног. Тёмный плащ с высоким воротником, молочная блузка, коричневые узкие брюки и высокие сапоги.

Её образ никак не вязался с современной жизнью. Скорее она была похожа на реконструктора или актрису, снимавшуюся в фильме про средневековье.

Она улыбнулась, что показалось мне угрожающим.

— Привет. — Она чуть приподняла брови. — Я нашла тебя, Мирон.

Когда я услышал своё имя, весь подавленный страх разом навалился на меня.

— Простите, мы знакомы? — спросил я, заикаясь.

Её лицо загорелось от счастья, когда я косвенно подтвердил, что это действительно моё имя.

— Ты, наверное, меня не помнишь. Ты был немного меньше, когда мы виделись в последний раз. Меня зовут Тау. Ле-ди Тау.

Я продолжал смотреть на неё и всё сильнее чувствовал

себя не в своей тарелке.

— Если ты ждёшь, что я преклоню колено, то придётся тебя разочаровать, — она усмехнулась и вошла в квартиру.

Я отступил на несколько шагов, чтобы не вторгаться в её личное пространство, и заметил, как дверь сама закрылась. Я нахмурился, но тут по кромке двери быстро пролетела фиолетовая нить и редким швом связала дверь со стеной. Приглядевшись, я заметил исходящее от неё свечение, затем перевёл взгляд на женщину.

— Простите, Леди, да? Леди, почему вы сказали, что я жду, пока вы преклоните колено? — я повернулся вслед за женщиной, которая целенаправленно шла на кухню. Один из керамических ножей всё ещё был у меня в руке и готов был вступить в бой в любую секунду. После того, что она сделала с дверью, нож уже не казался мне серьёзным аргументом.

— Меня зовут Тау, а леди — это титул. По элементарному этикету леди или лорд должны преклонить колено при встрече с Первородным в знак уважения. Поэтому я так и сказала, но, видимо, недооценила, насколько много ты позабыл после изгнания.

На кухне женщина присела на одну из двух табуреток, а вторую занял я. Для этой убогой кухни она выглядела слишком хорошо.

— Первородный? Вы считаете, что меня следует так называть, а я не имею ни малейшего понятия, что это могло бы значить, — я нервно ухмыльнулся и встал с табуретки, чтобы

включить чайник. — Кофе будете? У меня только растворимый, уж простите.

— Растворимый? — Тау усмехнулась, словно восхитилась изобретательностью. — Наливай, если это не отравка.

Я открыл банку с растворимым кофе и насыпал по две чайные ложки в разные кружки. Леди Тау позади меня продолжала:

— Всё достаточно просто, но сперва может показаться иначе. Ты — первородный лорд дома Огневых. Если проще — законный наследник. Думаю, так тебе будет понятнее.

Её слова звучали как полный бред. Руки немного задрожали, отчего я выронил чайную ложку.

— Сахар?

— Что?

— Сколько вам ложек сахара?

— Не нужно.

Я удивился, потому что ещё не встречал людей, кроме себя, кто пил бы дрянной растворимый кофе без сахара. Залив кипятком в чашки, я донёс их до стола и присел.

— Мне приятно слышать такие слова про меня, но вы, наверное, не понимаете, что для меня это звучит глупо, — я неловко улыбнулся, словно между нами возникло какое-то недопонимание. — Я ведь всего лишь сирота. Эту квартиру мы получили от государства на двоих с Лёхой. Я прожил в детском доме большую часть жизни.

Тау громко и недовольно выдохнула, а затем выпила

немного кофе, после чего скривилась, но промолчала.

— Мы говорим на разных языках. Я честно пытаюсь вникнуть в суть определений, которыми ты начал сыпать. Я не знаю ваших местных названий, но смысл уловила. Думаю, ты попал в этот дом лет в десять. И ты никогда не задумывался о том, что было до этого? — она смотрела на меня так пристально, что я покраснел и пытался скрыться за чашкой кофе, часто отпивая из неё.

— Меня нашли в пожаре, а из-за перенесённого стресса я ничего не помню, — буднично ответил я. — Это известная информация. Никогда не пытался её скрыть.

— Я бы могла предположить, что произошло в тот день, но не буду. Это не то, зачем я прибыла сюда. Правда в том, что ты Мирон Огнев, первородный лорд.

Тау резко встала с табуретки и дошла до меня. Она наклонилась, вторгнувшись в моё личное пространство настолько, что сразу же ворвалась на пьедестал самых откровенных взаимодействий с женщинами за всю мою жизнь. Она просунула ладонь в карман на моих брюках, отчего середина моего тела словно отмерла от страха, неожиданности и новых ощущений. Её целью был медальон.

— Это медальон, который принадлежит первородному лорду. Ты смог оплавить его, что, в общем-то, впечатляет, — женщина положила на стол кольцо с большим треснувшим рубином. — А это кольцо главы дома Огневых. Оно принадлежало твоему отцу. Если я права, то, когда ты наденешь его,

трещина на камне затянется.

Я сглотнул после столь интересного опыта и взглянул на медальон. Это объясняло — или могло объяснить — то видение, что накрыло меня, когда я к нему прикоснулся. Я взял кольцо со стола и поднёс его к указательному пальцу. Я смотрел, как дрожат мои руки. Это были страх и волнение одновременно, словно я боялся и мечтал узнать правду.

Я надел кольцо, и трещина на камне затянулась. Ладонь обдало жаром, исходящим из кольца.

— Неплохой трюк, чтобы убедить меня в чём-то, — предположил я.

— Это вовсе не трюк. Ты — единственный шанс дома Огневых на выживание. Велимир Орест Незнаемый, бывший советник твоего отца, организовал заговор. Они убили твоих родителей, а законный порядок в доме был сломан. Остальные дома и император не признают Велимира новым главой дома Огневых, но он всё равно крепко держит власть внутри дома, — леди Тау вновь села на табуретку и глотнула кофе.

Её слова звучали дико, но почему-то слишком складно, чтобы я мог сразу отмахнуться. То ли потому, что мне нужно было почувствовать себя хоть сколько-то значимым, то ли потому, что серая жизнь, которая была у меня сейчас, не приносила никакого удовольствия — будто я проживал чужую.

— Я так и думал, что моих родителей уже нет в живых, но вы говорите, что их не стало совсем недавно. Я в растерян-

ности, если честно.

— Понимаю, ты можешь испугаться такого количества новой информации, но я должна тебе всё рассказать. За тобой послали убийц не просто так, как и я оказалась здесь не просто так, — она встретилась с моим хмурым взглядом.

— Я знал, что это не случайности, — я ударил по столу кулаком.

— Это я остановила машину. Это я сдвинула коробку на уроке в школе. Это я удержала крутящийся диск. И это я изменила угол падения железных труб.

Она называла всё по-своему, но я и так понял, о чём речь. Мурашки пробежали по моему телу.

— Так это были вы, — повторил я.

— Я не смогу защищать тебя вечно, но Велимир будет посылать за тобой убийц, пока не добьётся своего. Он хочет развалить дом Огневых: если в течение полугода истинный наследник не заявит о правах на титул главы, все наши территории распределят между остальными домами. Всё, что создавали твой отец и твои предки, будет уничтожено. Будет уже слишком поздно, чтобы что-то изменить. Через пару лет не останется людей, которые осмелятся говорить вслух о существовании дома Огневых.

Новая информация наваливалась слишком быстро, и страх мешал уложить её в голове.

— И зачем же вам самый невзрачный школьник в городе, чтобы решить эту проблему? — я грустно посмеялся.

— Без первородного лорда ничего не получится. Другого первородного у нас нет. Так что придётся работать с тем, что есть, — она усмехнулась.

Её слова показались мне грубоватыми, но при этом она не выглядела так, будто хотела нагрубить. Тау встала с табуретки и подошла к окну. Она что-то долго высматривала.

— Один. Второй. И третий, — пробормотала она.

Я услышал её и вспомнил про засаду, которую утром должны были устроить убийцы. Нахмурившись, я подошёл к окну и встал рядом с Тау.

— Что вы считаете?

Тау не ответила сразу. Она поставила кружку на подоконник.

— Те, кто пришли, чтобы убить тебя. Они начали терять терпение, — её речь была такой спокойной, словно разговор был о погоде.

Во дворе я никого не видел, но страх вспыхнул снова — резко и знакомо.

— Да, я слышал ночью, когда они обсуждали, как убьют меня сегодня. Они ждут, пока я выйду из подъезда, — произнёс я поникшим голосом.

— Я разберусь. Не открывай дверь, не выходи на лестницу и, самое главное, не мешайся под ногами.

Она развернулась и пошла в прихожую.

— Стойте, вы что, собираетесь выйти к ним одна?

У меня за ремнём всё ещё торчали два керамических

шеф-ножа, но я надеялся, что использовать их не придётся. Тау бросила на меня беглый взгляд, в котором я рассмотрел что-то похожее на насмешку.

— Их всего трое. Не драматизируй.

Тау щёлкнула пальцами, и входная дверь открылась. Она вышла в подъезд и захлопнула её за собой. Теперь дверь и стена были усеяны фиолетовыми нитями, похожими на шёлк. Я рванул к окну, из которого был отличный вид на двор. Я не видел лишь пяточок у входа в подъезд.

Вскоре Тау вышла из подъезда и взглянула на запястье. Похоже, у неё были такие же часы, как и у убийц. Она повернулась в сторону дерева, стоявшего в дальнем конце двора, а затем вытянула левую руку вперёд и сжала её в кулак. Фиолетовые светящиеся нити исходили из её кулака и быстро складывались в очертания лука. Мне казалось, это похоже на вязание. Правую руку она оттянула в противоположную сторону и тремя пальцами что-то сжимала. Вскоре в этом месте нарисовалась фиолетовая тетива, а в последнюю очередь появилась стрела. Я не видел никаких признаков напряжения в теле Тау, словно она держала что-то очень лёгкое или даже невесомое. Эта лёгкость подкупала и выглядела впечатляюще.

Она улыбнулась и отпустила тетиву. Стрела сорвалась с неправдоподобной скоростью — скорее это походило на выстрел из крупнокалиберной винтовки. Фиолетовая вспышка остановилась в стволе дерева, перерубив его напополам. На

двух кусках ствола остались полукруглые выемки на месте разделения. Стрела вонзилась убийце в голову и протасила его до ближайшего гаража, где и остановилась. Мужчину пригвоздило к ржавой металлической двери, на которой осталась глубокая вмятина. Лишь через мгновение до меня докатился звук удара. Это было так громко, что все стёкла на первом этаже разлетелись в крошку.

— Что за? — мой рот был открыт от удивления, как и глаза. Я схватился за затылок. От звона в ушах мир вокруг на секунду исказился.

Тау больше не целилась. Она стояла вполоборота и довольно смотрела на то, что сотворила. Фиолетовые нити, из которых состоял лук в её руках, постепенно растворились в воздухе. Она выглядела так, будто первый выстрел был лишь началом.

Двор словно замер в ожидании. Даже листья на деревьях не шевелились. Тау медленно повернулась, будто давала оставшимся несколько секунд на принятие капитуляции. Её шаги по асфальту громко разносились по всему подъезду. Она остановилась у края тени соседнего дома и застыла. На её лице появилась едва заметная улыбка.

Справа от гаражей дрогнула тень. Человек в сером плаще рывком сменил позицию и вскинул руки, запрокинув голову, словно собирал что-то с неба. Затем он выставил открытые ладони перед собой. Воздух перед ними сгущался в оранжевое зарево. Жар дошёл даже до нашего окна. Огненный шар

рос, шипел и потрескивал. Асфальт рядом с убийцей пошёл пузырями, а дерево в метре от него задымилось снизу. Когда шар достиг диаметра чуть больше метра, мужчина закричал, выталкивая его вперёд.

Тау заметила огненный шар, который летел в её сторону. Она выполнила движение правой ладонью, похожее на шлепок по чему-то невидимому. Из-под земли быстро сформировался конус, состоящий из тех же светящихся нитей, а затем он полетел навстречу огненному шару. Когда они встретились, шар потерял форму, словно яблоко насадили на остриё конуса и вдавили. Огонь вскоре рассеялся, а фиолетовый конус продолжил движение, пока не разmozжил убийцу. Громкий взрыв раздался во дворе, когда конус остановился и снёс целый гараж. Убийцу не собрали бы даже по частям.

— Второй, — спокойно произнесла Тау.

Я с ужасом смотрел, как она расправляется с людьми, пришедшими меня убить. В её действиях не было лишних движений и сомнений. Она просто делала что-то будничное, вроде избавления от мусора. От страха у меня побежали мурашки по коже. Я отшагнул от окна и услышал, что в соседней комнате проснулся Лёха.

— Мирон! — рявкнул Лёха из комнаты. — Там что, война началась?

Лёха выскочил на кухню в трусах и с перекошенным лицом, будто собирался покрыть меня матом ещё до того, как окончательно проснётся. Я не знал, что ему ответить, поэто-

му он успел беспрепятственно прийти до окна.

— Ни хрена себе, там два гаража... Один в хлам, второй наполовину, — восторженно заявил Лёха.

В этот момент третья убийца пошла ва-банк. Она влетела в кухонное окно, разнеся стёкла вдребезги. Осколки разлетелись по всей кухне. Её лицо было холодным и сосредоточенным, словно она хотела лишь одного: убить меня. В руках она держала короткое лезвие без рукояти и летела прямо на меня.

Мы с Лёхой отлетели на несколько метров назад и упали на пол. Я ударился плечом о стол, перевернув кружки. Горячий кофе растёкся по полу, но боли я не чувствовал. Мир сузился до размеров убийцы в воздухе.

— Нам нужно бежать, — заявил я, но не успел двинуться.

Убийца зависла в воздухе, а затем я рассмотрел на её шее что-то вроде натянутой фиолетовой верёвки.

— Погоди... Это что, лассо, что ли? — пробормотал я.

Через мгновение убийца вылетела из нашей квартиры так же быстро, как ворвалась в неё. Я вскочил и добежал до отверстия в стене, где раньше были окна. Та летела к леди Тау, а Тау развернулась вокруг своей оси. Они сошлись в одной точке. Тау нанесла ей удар ногой по груди, и вокруг поднялась пыль. Убийца полетела в один из ещё целых гаражей с той же скоростью, с какой недавно летела стрела из её лука. Тело врезалось в дверь гаража, прошло внутрь, и стены обрушились, словно туда приземлилось что-то очень тяжёлое.

— Последний, — пробормотала Тау.

Я отошёл от окна, потому что не хотел, чтобы меня заметили соседи, которые уже начинали выходить на улицу в поисках ответов. Тау зашла в подъезд.

— Что происходит, Мирон? Почему у нас во дворе мясорубка? — запаниковал Лёха, повышая голос до непривычной громкости.

Он взглянул на дыру вместо окна, потом на меня.

— Это не то, чем могло показаться, — пробормотал я.

— То есть баба из исторического сериала не размазала в хлам трёх человек и пару гаражей только что? — Лёха ткнул пальцем в окно, указывая на разрушенный гараж.

В подъезде хлопали двери и сразу же послышались голоса — тревожные, злые, испуганные. Кто-то орал, чтобы вызвали полицию. Кто-то требовал запереться в квартире и не высовываться, пока с этим не разберутся компетентные люди.

Я метнулся в прихожую, когда услышал, как дверь открывается. Фиолетовые нити исчезли. Тау вошла в квартиру спокойным шагом, словно вернулась после расслабляющей вечерней прогулки.

На её плаще не было ни пылинки, а на сапоги не попало ни капельки крови.

Лёха уставился на неё так, будто вот-вот решит, что у него окончательно поехала крыша.

— Кто это? — прошипел он. — Что это за тётка из D&D?

Какого чёрта здесь происходит вообще?

Наверное, это сравнение понял только сам Лёха, но я не стал заострять на этом внимание.

— Я пытался тебе всё объяснить, но не успел подобрать слов, — огрызнулся я, устав от недовольства Лёхи.

— Нет, не пытался! — рявкнул Лёха. — Ты стоял, как истукан, и восхищался тем, как она людей убивает.

Тау перевела взгляд на Лёху.

— Лишний свидетель, — сухо заметила она.

— Я тебе сейчас покажу лишнего, — возмутился Лёха и подался вперёд.

— Заткнись, идиот, — резко высказался я, но не успел.

Тау отмахнулась от него ладонью. Лёху распяло фиолетовыми нитями у стены так, что он даже дёрнуться не смог. Нити тщательно закрыли ему глаза, рот и уши, оставив только возможность дышать.

— Не убивай Лёху, — крикнул я, явно просчитавшись в том, кто кому в этой комнате отдаёт приказы. — Пожалуйста.

Тау прошла мимо меня и взглянула через разбитое окно на двор. Там становилось шумнее. Кто-то снимал всё на телефон. Кто-то вызывал службы. Где-то совсем рядом уже выла сирена.

— У нас осталось не так много времени на принятие решения, — произнесла Тау.

— Какого ещё решения? — спросил я.

Она обернулась и взглянула на часы, которые были у неё на руках. Я тоже заметил цифру, которая там была написана. Двести двадцать.

— Ты должен пойти со мной в Люминару. У меня осталось не так много искр, поэтому я в любом случае скоро уйду. А тебя в следующий раз убьют, потому что меня не будет рядом. Так что решение довольно простое: идёшь со мной или умираешь здесь, — она выглядела намного серьёзнее, чем была до боя во дворе.

Я нервно хохотнул, а затем набрался храбрости и шагнул в сторону Тау. Я смотрел в её глаза.

— Хватит! Либо вы мне сейчас нормально всё объясните, либо хрена с два я с вами куда-то пойду.

Она посмотрела на меня без раздражения — скорее так, словно внутри что-то неприятно сжалось.

— Я уже всё объяснила. Ты не отсюда. Не из Мёртвого мира. Тебя хотят убить, потому что ты можешь помешать людям, которые украли власть в твоём доме. Наличие живого первородного лорда может кардинально испортить их планы. Я верну тебя в Люминару, откуда ты родом, и буду помогать до тех пор, пока ты не вернёшь себе то, что принадлежит тебе по праву рождения. Это то, что я обещала твоему отцу.

— Вы называете наш мир Мёртвым? Чёрт, в голове столько вопросов, — я схватился за голову.

— У нас нет времени на лекции о мироустройстве, — ответила Тау.

Я ждал, что она начнёт уговаривать. Но она просто замолчала, оставив мне выбор между безумным путешествием и смертью. И смерть казалась более нелепой.

Снизу доносились более звонкие крики. На лестнице за дверью квартиры кто-то быстро поднимался, тяжело топая по ступенькам. На улице ревела сирена.

Тау вытянула руки в сторону комнаты. В одной руке у неё был небольшой кристалл.

Воздух дрогнул, а пыль начала подниматься. Сперва я подумал, что у меня снова звенит в ушах после взрыва, но рябь не исчезала. Она расползлась по комнате, как трещина по льду, только вертикально. Пространство потемнело. По краям трещины появились фиолетовые нити, которые пытались расширить проход.

Тау смотрела на свои часы, где цифры стремительно уменьшались. Сейчас там было около девяноста.

Вскоре Тау смогла расширить проход до ширины двери.

Я не сразу понял, что смотрю в портал. Никакой сияющей арки или сказочного света. Скорее дыра между мирами. За спиной была кухня, а в портале — чужой закат над полем вместо облезлых обоев. Оттуда тянуло жаром и железом.

Тау пришлось освободить Лёху, потому что ей больше не хватало искр, чтобы удерживать его в заключении. Лёха успокоился за время заточения, а беруши из фиолетовых нитей не полностью блокировали звуки.

Я смотрел на проход и чувствовал, как в груди под коль-

цом и медальоном снова просыпается тепло. Оно не пугало меня. Оно меня узнавало.

— Если это правда... — начал я.

— Правда, — отрезала Тау.

В дверь начали стучать.

— Открывайте! — заорал басистый голос с лестничной клетки. — Что у вас там произошло?

Лёха смотрел то на дверь, то на портал, то на меня. Впервые за очень долгое время я увидел в нём не злость или дурашливость, а настоящий страх.

— Мирон, ты же не думаешь об этом всерьёз? — сказал он почти шёпотом.

Я не знал, что ему ответить. Хотел бы сказать, что это всё безумие и что нормальные люди не уходят в фиолетовые разломы за женщинами, которые убивают людей у тебя на глазах. Хотел бы я на секунду стать прежним собой.

Но у меня не получалось.

Прежний я закончился в ту ночь, когда услышал, как трое незнакомцев обсуждают, каким способом убить меня почище.

— Прости, Лёха.

Я взглянул на него в последний раз и шагнул в портал.

Ощущение было таким, будто меня целиком протащили через раскалённую петлю. Мир исчез не сразу. Сначала вытянулся, как расплавленная резина, потом ударил в грудь так, что я перестал понимать, где верх и низ. Последнее, что

я услышал перед тем, как меня вышвырнуло в чужой мир,
был крик Лёхи:

— Мирон, твою же мать!

Глава 4

Открыв глаза, я понял, что закричал ещё раньше, чем пришёл в себя. Постепенно боль из груди стала доходить до головы. Это было невероятно, мучительно и так горячо, будто меня жгли изнутри. Я держался за грудь и извивался на травяном поле. То, что мелькало вокруг, когда я успевал хоть что-то ухватить взглядом, казалось совершенно незнакомым. Слёзы текли без остановки, а боль дошла до того предела, когда уже перестаёшь чувствовать что-то конкретное.

Тау подошла ко мне и присела рядом на одно колено. Вскоре я почувствовал её ладонь на груди. Она закрыла глаза, словно сосредотачивалась, а затем её фиолетовые нити резко пронзили меня. Я закричал в полный голос от невыносимой боли. Фиолетовое свечение наполнило моё тело. Свет исходил из глаз, рта и носа.

Время будто бы остановилось, но мои ощущения ни на мгновение не угасали. Нескончаемый ад и мучения. Через несколько секунд Тау повернула ладонь на моей груди, словно закрывала сейф, и фиолетовое свечение стянулось, оставшись небольшим столбом света в районе солнечного сплетения. Прошло ещё немного времени, и этот столб тоже исчез. Я чувствовал, как боль понемногу отступает.

— Я временно поместила твоё ядро в клетку, чтобы ты

не умер раньше времени, — сказала Тау и даже не пыталась смягчить тон. Пот с её лба капнул на мою футболку. — То, что ты испытал, называется срывом.

Когда она убрала руку с моей груди, боль исчезла полностью. Тау взглянула на часы на запястье, и я тоже обратил на них внимание. Там было значение около двадцати единиц, и раз в несколько секунд оно увеличивалось на одну.

— Я тоже чуть не дошла до срыва, — прошептала Тау, будто не хотела, чтобы я это слышал.

Сумев сесть на траву, я заметил, что рядом нервно метался маленький чёрный кот — злой, взъерошенный и слишком настойчиво державшийся возле меня. Шерсть на загривке стояла дыбом, а хвост крутился туда-сюда, как метроном на высокой частоте.

— Я умер? — спросил я.

Тау открыла пробку у небольшого бурдюка с водой и протянула мне.

— Нет, но это тоже весьма неприятное явление, — сухо пояснила она, снимая манометр с руки и убирая его в карман.

Я жадно пил воду из бурдюка, пока Тау продолжала говорить. Чёрный кот поцарапал мне руку, а когда я обратил на него внимание, начал громко шипеть на неё. Я вскрикнул от резкой боли.

— Ай, что ты творишь? Откуда здесь вообще кот взялся? — возмутился я.

Тау посмотрела на него, а затем на меня. Она почесала

затылок, как будто чувствовала вину.

— Я не хотела говорить сразу. Сначала мне нужно было не дать тебе умереть. Думаю, что это твой друг. Лёха, кажется, да?

— Лёха? Как этот кот может быть им? — я взял кота за шкурку и поднял на уровень головы.

— Дело в том, что, когда рождённые в Мёртвом мире каким-то образом попадают в Люминару, они превращаются в животных. Это всё очень индивидуально, то есть конкретное животное зависит от предрасположенности ядра, — она буднично рассказывала о том, как мой лучший друг превратился в кота.

— Вы это серьёзно? Тогда просто вернём Лёху обратно в Мёртвый мир, и он снова станет человеком.

— Нет, это так не работает. При переходе из Люминары никаких изменений не происходит. У жителей Мёртвого мира слишком маленькое ядро, чтобы в Люминаре их можно было назвать хотя бы обычными людьми.

Я смотрел на кота и с ужасом осознавал, что это всё, что осталось от Лёхи. Осмотрев его, я засомневался, что в нём сохранилось хоть немного разума.

— Лёха изменился. А я — нет, — пробормотал я, с трудом веря своим словам.

— Ты верно заметил. Я понимаю, что ты ничего не понимаешь толком, но вникать нужно быстро, — продолжила Тау. — Я начну с того, как ты оказался в Мёртвом мире. Мы

называем его так, потому что там ядро не способно удерживать искры — они потихоньку утекают из него. Поэтому жителям Люминары приходится отслеживать запас искр, когда они попадают в Мёртвый мир.

Я закончил пить и закрыл бурдюк пробкой, которую перехватил из руки Тау. Она отдёргнула руку и взглянула на разлом в пространстве. Тот громко и резко затянулся.

В этот момент я впервые осмотрелся вокруг. Этот мир радикально отличался от серой Москвы. Здесь словно немного выкрутили насыщенность цветов, отчего природа выглядела зеленее, а небо более голубым. Слева и позади меня были леса, спереди бесконечное поле, а справа виднелась огромная дымящаяся гора. Это, определённо, был вулкан, внушающий страх своим видом.

Я встал с травы и в первые секунды немного пошатнулся. Огляделся без лишних нервов. Солнце казалось чуть крупнее привычного, в небе застыли редкие неподвижные облака.

Ветер тянул запах сухой травы, в котором скрывался тонкий металлический привкус. Я ещё раз взглянул на вулкан. Стоя посреди всего этого, я пытался определить, страшно ли мне или я скорее восхищён видами нового мира. Смутное ощущение, что я здесь не впервые, не покидало меня.

Кот поскрёб мою спину когтями, напоминая о себе. Я схватил его и поднял перед собой на уровне лица. Он недружелюбно смотрел на меня жёлтыми глазами.

— Лёха, неужели это ты? — тихо спросил я.

Кот зажмурился и отвернулся.

— Понятно.

Я вернул его на плечо и вздохнул. Мой лучший друг теперь злобный кот. Вот дела.

Позади громко хлопнул разлом, словно захлопнулась дверь. Я не стал оборачиваться, потому что счёл это неинтересным.

— Нам нельзя долго здесь оставаться. Кто-нибудь может заметить, что здесь недавно открывался портал, и прийти проверить. Пойдём, остальное расскажу по пути. Если я не сильно промахнулась, то поблизости мы найдём пару лошадей, — Тау уверенно пошла по полю в сторону от меня.

Я не имел понятия, как она сориентировалась посреди бескрайнего поля. Для меня вокруг была одна лишь трава: где-то более зелёная, где-то уже подгоревшая на солнце. Я пошёл следом за Тау.

— Я умею только на велосипеде, — заявил я.

Чёрный кот с трудом догнал меня, неловко прыгая по высокой траве, а затем запрыгнул мне на спину и вцепился, как рюкзак.

— Ай, больно, — закричал я, когда почувствовал когти. Без царапин явно не обошлось.

Тау поначалу пропустила мои слова мимо ушей, не поняв, что я такое сказал.

— Тогда мы поедем на одной лошади, но медленнее, —

наконец ответила она.

Вскоре мы дошли до высокой сухой травы, и каждый шаг неприятно отдавался жаром под рёбрами. Чёрный кот продолжал висеть на моей спине, но его не устраивало текущее положение, и он пытался забраться выше. Я почувствовал прикосновение его острых когтей, как будто они теперь были у него вместо колких шуток. Несколько минут Тау молчала, вслушиваясь во что-то вокруг, чего я не мог уловить.

— Ладно, — выдохнул я. — Вы говорили, что расскажете что-то по пути.

Тау не обернулась, продолжая идти сквозь траву. Она говорила громко, так что я слышал её даже сзади:

— В детстве ты был очень способным, но вместе с этим и очень самоуверенным. Такие дети бывают опасными, прежде всего для самих себя. Твоим обучением занимались лучшие маги дома Огневых, но ты никогда не слушал их.

— Что я натворил? — спросил я, уже зная, что ответ мне не понравится.

— Сперва я расскажу тебе немного о ядре, — начала Тау. — Ядро, о котором я говорю, также называют манавым ядром или Корис Люмен. Оно расположено здесь, — она ткнула меня пальцем в грудь. — Да, там, где ты только что чувствовал боль.

Я сглотнул и прикоснулся к этому месту ладонью.

— В зависимости от объёма и плотности ядра мы можем говорить о его ранге у того или иного мага. — Тау отпила

немного воды из бурдюка. — Каждый переход между рангами сопровождается болезненным и опасным расширением ядра. Это называют прорывом. Большинство магов проходят прорыв под наблюдением нескольких магов более высокого ранга, чтобы избежать проблем. Маги способны контролировать расширение ядра более низкого уровня. Что-то подобное я только что проделала с твоим ядром, — она упростила, потому что на деле совершила совсем другое.

Между двух колея на протоптанной дороге с отчётливыми следами от колёс высоко колосилась трава. Я поправил кота на спине.

Тау продолжила:

— Каждый прорыв несёт риски. Маги пытаются уменьшить их или устранить вовсе. Неудачный прорыв может убить мага или оставить его ядро выжженным. После этого оно уже не может удерживать ману.

Я почувствовал прилив адреналина и страха, поняв, что могло произойти.

— Вижу, что ты уже догадываешься. Ты прогрессируешь очень быстро и прорвался несколько рангов за пару недель. На четвёртом ранге ты попробовал прорваться выше. Все вокруг говорили тебе остановиться и подождать пару лет. Твой отец, глава дома Огневых, убедительным тоном приказал тебе остановиться. Конечно, ты не послушал.

Дорога скатилась в низину, где высота травы резко увеличивалась. Когда она достигла моего роста, мы вышли к

небольшому скрытому в траве лагерю. Пока я оглядывался, Тау дошла до лошадей, а затем кинула в меня стопку одежды. Я успел поймать её, пока та не упала.

— Вот, переоденься, а то выглядишь, как шут, — рявкнула Тау.

— А? Хорошо.

Я отошёл за уставшее дерево со стволом в форме дуги. Одежда была похожа на ту, что носила Тау, но менее обтягивающая. Чёрный кот уселся в метре и уставился на меня. Я вновь вспомнил про его существование, но ещё не решил, как должен к этому относиться. Это ведь не случайное животное, а Лёха. Я остановил взгляд на его глазах, пытаясь обнаружить в них что-то похожее на своего лучшего друга.

— Не смотри так осуждающе и, вообще, я переодеваюсь, — заявил я.

Кот величественно мяукнул и пошёл к потухшему костру в центре лагеря.

Пока я переодевался в белую тунику, коричневые брюки и такие же сапоги, пришли мысли о том, что я виноват в том, что случилось с Лёхой. Если бы меня не было в его жизни, то он не превратился бы в кота. С другой стороны, никто не просил его проходить через разлом между мирами. Мой выбор был осознанным, а его — движимый лишь любопытством. Я вышел из-за дерева.

Тау готовила одну из лошадей к поездке.

— А что будет со второй? — задумался я.

— Её придётся оставить, — ответила Тау.

— Оставить? Жалко же бросать её так, на произвол судьбы. А ездить верхом сложно? Может, я бы легко научился? — я подошёл ко второй лошади. Они обе были коричневыми, выглядели величественно и казались мне куда более аристократическими, чем я сам.

— Особого ума не нужно, но поначалу не просто удержаться в седле. Я могу тебя привязать, если ты настроен серьёзно, — она ухмыльнулась, словно была не прочь взглянуть на это представление.

— Я бы не сказал, что я прямо уж серьёзен, — завиял я.

— Времени на размышления не даю. Запрыгивай на лошадь. Первый урок будет практическим, — Тау улыбалась.

По её улыбке я сразу же понял, что ничего хорошего меня не ждёт, но всё равно вставил ногу в стремя. Запрыгнуть было непросто, но Тау подтолкнула меня. На спине у меня всё ещё висел кот, а я не обращал на него внимания, несмотря на то что его когти то и дело давали о себе знать.

— Хорошо. Я закреплю тебя дополнительно, чтобы не упал сразу, — Тау хлопнула мою лошадь по бедру и привязала меня к ней фиолетовыми нитями.

— Давно хотел спросить, что это за нити такие? — я пытался усесться поудобнее в седле, но у меня плохо получалось.

Тау запрыгнула на вторую лошадь.

— Нити? Так выглядит моя аркана. Это чистое волшеб-

ство.

Пока я размышлял, лошади пустились в ход под манипуляциями Тау. Для меня начались американские горки в их экологическом проявлении. Я изо всех сил пытался удержаться на лошади и завидовал расслабленному виду Тау. Кот на моей спине и вовсе испытывал перегрузки в несколько G. Судя по шипению, доносившемуся из-за плеча, космонавтом становиться он не планировал.

Через несколько часов езды я приловчился и стал чувствовать себя на лошади спокойнее, хотя всё ещё боялся упасть от любого неловкого движения.

Пейзаж за это время сменился несколько раз. После поля были холмы с широкой долиной, затем мы перешли через неглубокий ручей.

Дорога проходила через хутор на десяток дворов. Строения приземистые, из серого камня, с плоскими крышами. Архитектура выглядела незнакомо.

Жизнь здесь шла очень медленно и это чувствовалось, когда смотришь вокруг. У колодца женщина в буром платке наполняла ведро, но не касалась веревки: вода сама поднималась нестабильным столбом и переливалась в ведро. Я засмотрелся на это, как идиот, пытающийся понять физику. Наверное, для них это было так же обыденно, как для меня пользоваться телефоном.

Вокруг пахло скотиной и печеным хлебом. Где-то кричала коза. Босоногий мальчишка гонял нескольких гусей и застал,

когда заметил леди Тау. Он не поклонился или что-то в этом роде, а просто застыл, как будто увидел молнию на небе.

Несколько жителей смотрели на нас. Леди Тау не обращала на них внимания. На выезде из хутора старик проводил нас взглядом и коротко кивнул. Тау еле кивнула в ответ.

— Они вас знают? — спросил я, когда мы уже уехали достаточно далеко.

— Возможно, кто-то из них знает меня. Но никто не знает тебя. Для всех, кто здесь живёт, ты — никто.

— Пока не понял, хорошо ли это.

Чем дальше мы ехали, тем сильнее мне казалось, что этот мир специально напоминает мне: я чужой, но родом отсюда. Небо было слишком чистым и болезненно ярким. Ветер приносил запах сухой травы, пепла и чего-то металлического. Вдали медленно дымилась гора, а я всё время возвращался к ней взглядом, не сумев решить, красиво это или страшно.

Справа, у горизонта, виднелись тёмные силуэты строений.

— Так куда мы едем?

— В моё поместье. Там безопаснее большинства мест в Люминаре.

Она отвечала не сразу, словно была занята чем-то. Я уже начинал понимать разницу между её молчанием, когда она не хотела говорить, и когда подбирала слова. Сейчас был второй вариант.

— Значит, моё ядро выжжено? — обречённо пробормотал я.

— Да, это так. Когда Ратмир, твой отец, узнал об этом, он был вне себя от ярости. Ты был его единственным наследником. Но он всё равно не сдался и не списал тебя со счетов. Он отправил тебя в Мёртвый мир, но всё выглядело как отречение от тебя и изгнание за проступок. В Мёртвом мире пустое ядро ощущается иначе — это для него обычное состояние, поэтому человек не чувствует боли, как в Люминаре. Здесь же опустошение ядра называется срывом. Маги стараются избегать срывов, потому что они сопровождаются сильнейшей болью и потерей сознания вплоть до полного исцеления — от двенадцати часов до нескольких суток. Если бы ты остался здесь, то был бы очень лёгкой мишенью и постоянно испытывал боль.

Иногда на дороге попадались следы чужого присутствия: свежая колея, отпечатки копыт, клочки ткани на кустах. Для меня это были случайные мелочи, а Тау реагировала на каждую из них изменением маршрута или замедлением лошадей, словно читала чьи-то намерения или была излишне тревожной.

— Значит, отец позаботился обо мне этим решением? Вообще-то, жизнь у меня там была совсем не сказочная, — возмутился я.

— Здесь было бы ещё хуже, — Тау тут же осадил меня взглядом. — Когда ты прошёл через портал в Мёртвый мир, то остатки твоей маны высвободились. Это был тот самый пожар, в котором тебя нашли. Дальше ты всё помнишь.

— Тогда зачем я вообще пошёл за вами, если у меня ничего не осталось? У меня ведь бесполезное ядро. Я никогда не смогу творить те штуки, которые можете вы, — вновь повысил голос я.

— Всё не так однозначно. Когда ты выжег своё ядро, восстановление такого считалось почти легендой и предметом насмешек. Ратмир поручил мне изучать этот вопрос. Мы долгое время учились восстанавливать ядра тем, у кого они выжжены.

— Вы нашли решение?

— Не всё так просто. Мы научились это делать, но многое зависит от самого человека. У тебя хорошая наследственность и есть упрямство, поэтому я думаю, что мы сможем собрать твоё ядро заново.

Под рёбрами снова вспыхнул жар. Не такой, как возле портала, но достаточный, чтобы пальцы сами вцепились в поводья. Я стиснул зубы и попробовал выпрямиться, не желая показывать слабость, но Тау сразу всё заметила.

— Не геройствуй, — бросила она, даже не оборачиваясь. — Клетка держит, но слабеет с каждой минутой.

— Иногда мне кажется, что я груз, который нужно довести живым, — процедил я.

— Сейчас так и есть, — сухо ответила она. — До проверки крови ты не первородный лорд. До восстановления ядра ты не боец и вовсе не способен жить без сиделки. В общем, должно пройти некоторое время, чтобы тебя можно было по-

казать миру и не бояться, что вся наша затея закончится плохо.

Мне захотелось поспорить, но в груди больно кольнуло, умиряя мой пыл. Кот подполз ближе к шее и уткнулся в воротник. Иногда он совсем не похож на Лёху. Но в то же время с каждой секундой я сомневался в сходстве всё меньше. Он так быстро привязался ко мне, а я всё ещё не разобрался, могу ли считать его Лёхой, или это просто неразумное животное.

— А если меня увидят раньше? Что тогда?

— Возможно, тебя убьют, — спокойно закончила Тау. — Или хотя бы попытаются. А если не убьют, то сделают нашу жизнь намного сложнее.

— Знаете, я был бы не против узнать обо всех подробностях сразу в следующий раз.

— Я учту.

Мы подъезжали к поместью леди Тау — Пепельному ключу. Он оказался не скромным убежищем, где меня спрячут, а величественной старой усадьбой из тёмного вулканического камня. Высокие окна, тяжёлые башенные выступы, широкая лестница и строгий фасад сразу выдавали принадлежность к великому дому, но тут же вокруг виднелись и оборонительные линии: крепкие ворота и усиленные стены. В этом месте благородство не спорило с опасностью, а научилось жить рядом.

Поместье было видно издалека: сперва тёмная масса, по-

хожая на скалу. Постепенно проступали детали — бойницы, массивные кольца-ручки на воротах, ровные швы между блоками чёрного камня. Строили не спеша, не для красоты, а надёжно.

Тау замедлила лошадей у ворот, и только теперь я понял, насколько тихо было вокруг.

Створки отворились не сразу. Мелькнула тень, затем ещё одна. Короткий жест Тау дал понять, что она хочет войти. Тяжёлые ворота дрогнули и начали расходиться внутрь.

Лошади вошли во двор, а звонкие удары копыт разрушили умиротворяющую тишину поместья.

Во дворе всё оказалось таким же, как и снаружи: красиво, прочно, но совершенно негостеприимно. Каменные дорожки, тёмные арки, высокие фасады, конюшни, оружейные стойки у стены. Люди вокруг не суетились и не открывали ртов лишний раз. Они смотрели на меня так, словно я был лишней проблемой.

Я спешил сам, чтобы не выглядеть совсем ничтожеством, но стоило перекинуть ногу через седло, как под рёбрами снова вспыхнул жар. Горизонт покачнулся у меня в глазах.

Кто-то успел подхватить меня под локоть, иначе я бы рухнул прямо в грязь.

— Восхитительно, — сухо произнёс мужчина, державший меня. — Первородный даже до крыльца сам добраться не способен.

От этого мужчины веяло духом соперничества, но я был в таком состоянии, что мог бы посоревноваться разве что со слизьяком. Кто быстрее доползёт до кровати, не используя рук и ног.

— Будь терпеливее, Сава, — ответила Тау.

Я поднял голову. У ступеней стоял тощий, седой мужчина с перебитым носом, ожогами на шее и шрамами на лице. Ожоги были старыми и уходили глубоко под воротник. Руки он держал за спиной. Лицо у него было такое, словно он встретил не нового человека, а глядел на заветренную свиную тушку сомнительной свежести.

Он смотрел на меня несколько секунд, не меняя выражения, словно оценивал. Потом перевёл взгляд на леди Тау.

— Выглядит смешно, — коротко отозвался мужчина.

Рядом с ним стоял другой мужчина. Более утончённый и не похожий на воина. Собранный, аккуратный, практичный.

— Если Сава говорит правду о происхождении этого молодого человека, то я рассчитывал на несколько иной сюрприз, когда вы приказали подготовить самую тихую комнату в поместье, — голос у него был весьма утончённым, несмотря на внешний вид.

— Господи, — возмутилась молодая девушка в светлой одежде, с чёрными волосами и голубыми глазами. Она окинула меня взглядом, а затем недовольно посмотрела на остальных. Её взгляд задержался на леди Тау. — Хватит болтать! У него же выжженное ядро. Удивительно, что он до-

брался сюда своим ходом.

Эта девушка смотрела на меня иначе. Без издевательской насмешки.

Чёрный кот у меня на плече глухо зашипел. Лёха всегда говорил, что от женщин одни неприятности. Видимо, у кота сохранилось немного его интеллекта.

— Я заперла его ядро в клетку, но она почти разрушилась. Ты с этим лучше справишься, Ника...

Я пытался осмотреться вокруг, прежде чем слова перестали доходить до моего мозга. В тот момент я впервые понял, что я всё равно не дома. Я оказался там, где решат, полез ли я вообще.

Взгляд замылился, и я чувствовал, как теряю всякую силу в ногах. Горизонт поплыл, прежде чем я закрыл глаза.

— У него же срыв, — послышался тонкий голос Ники.

Глава 5

Я проснулся от яркого солнца. Глаза были ужасно сухими, отчего слепящий свет из окна лишь усиливал безумную мигрень. Виски раскалывались от боли. При малейшем движении головы вертикальные линии мебели вокруг расплывались и иногда превращались в горизонтальные. Я быстро смекнул, на что это было похоже. Когда я первый раз напился, на следующий день было то же самое. Один в один безумное похмелье. Но в тот раз я хотя бы понимал, за что меня так наказали, а сейчас я будто бы боролся с неизвестной хворью, которая убивала меня просто за то, что я находился в этом мире.

Я осмотрелся вокруг, несмотря на то что реакция глаз на свет была такой, будто их резали ножом. Не отрывая головы, я заметил, что на прикроватной тумбе стоял стакан воды. Я протянул к нему руку и понял, что даже это мне сделать сейчас непросто. Дотянувшись до него, я тут же осушил стакан. Через пару минут стало легче, но лишь на самую малость.

Вокруг были каменные стены и шторы, казавшиеся тяжёлыми. Пахло пеплом, горячим металлом, лечебными травами и свежим бельём. Окна в комнате были высокими и узкими. На животе у меня развалился чёрный кот. Он мощно зевнул, а затем посмотрел на меня с осуждением.

— Слушай, ты вообще кот, так что не смотри на меня так,

— пробормотал я. — Как же мне тебя называть? Неужели ты действительно Лёха?

— Мяу, — согласился кот.

Я попробовал пошевелиться, чтобы понять своё состояние. Ноги двигались, но одеяло будто отлили из стали. В груди всё ещё жгло, но уже терпимо — не как раскалённая лава, а всего лишь горячий чай.

Я резко стянул одеяло с ног и сел. Лёха метнулся в сторону и присел у края кровати.

— Зачем я вообще решил всё бросить и отправиться в этот мир? Ах да, у меня же не было никакого выбора, — возмутился я и бросил кружку в стену.

В этот момент в комнату вошла Ника Вешняя с небольшой чашей в руках. Она выглядела моложе, чем показалось во дворе. Немного старше меня. Светлая туника, чёрные распушённые волосы и голубые глаза, слишком яркие по сравнению с остальным обликом.

Она прагматично проводила взглядом кружку, которая ударилась о стену рядом с дверным проёмом и разбилась вдребезги.

— Простите, — фыркнул я. — Не подумал, что я кому-то интересен.

Я хмуро смотрел ей в глаза. Общее недопонимание многих моментов до безумия раздражало, и я чувствовал себя ребёнком в этом незнакомом мире. Тело не детское, но толку от прежних знаний — почти никакого. Большинство ба-

зовых вещей нужно было узнавать заново.

— Ничего страшного, — ответила Ника. Её голос звучал приятно и успокаивал, хоть и чувствовалось, что где-то в низких нотах оставалась привычка приказывать. — Я всё понимаю.

Чёрный кот добежал до обломков стакана и начал играть с ними. Аккуратно, чтобы не повредить лапы. Всё же в нём была лишь часть бывшего Лёхи, но какая именно, ещё предстояло выяснить.

Ника дошла до кровати и присела рядом со мной. Я повернул голову в её сторону. При каждом повороте головы картинка на мгновение расплывалась, а затем вновь становилась чёткой. Это было очень неприятно, но к этому времени я уже не обращал внимания. Запах лечебных трав, который я сразу почувствовал в комнате, стал ярче, когда она под села ближе.

— Не знаю, что тебе пообещала леди Тау, но выжженное ядро — это не простая болезнь, а один из самых серьёзных недугов в Люминаре, — продолжила Ника.

— Эх, а я уже было почти поверил, что мне его заменят по гарантии, — усмехнулся я.

Ника нахмурилась, словно с трудом понимала, что я говорил.

— После срывов бывают проблемы с головой, но даже это немного аномально. Никаких гарантий тут и быть не может. Лучше расскажи, как ты себя чувствуешь? Голова кружится?

— Как с мощного бодуна, — пробормотал я. — Я имею в виду, как с похмелья. Не знаю, есть ли в вашем мире алкоголь. Ну, пиво там какое-нибудь.

Я взглянул на чашу, которую Ника продолжала держать на коленях. На ней была белая туника.

— Да, конечно, я поняла сравнение. Не переживай. Симптомы срыва действительно похожи на похмелье, но причины совершенно разные. Дело в том, что корис люмен, — я уже запомнил, что так они называли ядро в более научном виде. — Корис люмен пытается вытянуть искры из организма, в котором находится, если его собственные искры иссякли. В обычном случае запас искр восстанавливается со временем, и срывы случаются редко. Это скорее следствие невнимательности мага.

— Ну да. Это действительно похоже на похмелье, — согласился я. — С алкоголем тоже можно пропустить лишнего.

Ника снисходительно кивнула, словно позволяла мне такие примитивные аналогии.

— В случае с выжженным корис люмен запас искр никогда не восстанавливается без помощи извне, — она заметила, что я с трудом понимал её слова, но это было не из-за глупости, а из-за проблем с координацией. — Представь, что корис люмен — это чаша. Если он здоров, то вода появляется в ней самостоятельно. Если чаша высыхает, случается срыв. В случае с выжженным корис люмен чаша не просто не наполняется водой, но и имеет несколько дырок на дне.

Кто-то должен регулярно наполнять её.

— Спасибо за примеры для тех, у кого туго с мозгами, — мне приятнее было обзывать себя, ссылаясь на множество людей, а не только самого себя. — Если я правильно всё понял, то у меня сейчас должна быть не пустая чаша. Иначе я бы не проснулся.

— Я рада, что ты быстро вникаешь. Тогда мы можем отойти от аналогии с чашей, потому что дальше это только запутает тебя, — Ника улыбнулась, скрывая раздражение. — Немногие маги обладают способностью передавать свою ману другим. Это одна из основ продвинутой водной магии, к которой у меня есть предрасположенность.

— Значит, я сейчас живу за счёт твоей маны? — я хмыкнул. — Похоже, что я теперь грёбаный робот-пылесос.

Ника скривилась. Я уже понял, что слова из Мёртвого мира вызывали у неё примерно одну и ту же реакцию каждый раз.

— Да, всё верно. Выжженный корис люмен вмещает крохотное количество маны, поэтому, не волнуйся, ты не напрягаешь меня этим.

Я смотрел, как кот резвился на полу. Ему будто нравилось, что за ним наблюдали две пары глаз. Он замер, посмотрел на нас обоих, перевёл взгляд на разбитую кружку у стены и вернулся к играм.

— И что дальше? Тау не стала бы возвращать меня, чтобы взвалить обузу на свои плечи. Всё, что я пока слышал, зву-

чит так, будто я безумно неполноценный, — я сжал ладони в кулаки. На удивление я ощущал силу в руках.

— Мы попробуем восстановить твоё ядро. Это не самая простая процедура и во многом зависит от того, насколько хорошо ты будешь восстанавливаться. Привыкнешь ли к срывам. Всё может затянуться надолго, но леди Тау настроена на быстрый результат.

Мои веки раскрылись от удивления, когда я услышал часть плана.

— Погоди, погоди. Ты сказала — привыкну ли я к срывам? Это что, повторится вновь? — я нервно выдохнул.

— Процедура восстановления заключается в том, чтобы начать пользоваться выжженным корис люмен точно так же, как если бы он был здоровым. Если мы сумеем имитировать обычную циркуляцию искр в твоём корис люмен, тогда зажжение можно будет провести заново. Если не вдаваться в подробности, то это и есть наш план.

— Хорошо, я всё понял. Твоя мана будет естественно циркулировать в моём, эм, корис люмен. Но я спрашивал про срывы.

— Срывы неизбежны, потому что твой корис люмен не производит искры, а точно отслеживать расход маны ты не сможешь даже с манаметром. Из-за сжатых сроков срывы будут очень частыми. Я постараюсь помочь, но в конце концов выдержать всё это должен только ты сам, — она повернула голову и взглянула на меня.

— В моём мире хотя бы таблетки от похмелья были, а тут что? — возмущился я, не осознавая в полной мере всей серьёзности её слов.

Ника пропустила мимо ушей мой очередной вброс из Мёртвого мира и мило улыбнулась, как будто пыталась не расстраивать пациента.

— Некоторые маги прибегают к обучению через срывы, потому что срыв даёт естественное развитие для корис люмен. Ты когда-нибудь чувствовал мышечную боль после тренировки? — я кивнул. — Это то же самое, но, как и с мышцами, насколько увеличивается объём корис люмен после срыва, невозможно предугадать. Может быть, ноль, а может, что-то большее.

— Звучит крайне нестабильно.

— Так и есть, поэтому такое обучение вызывает жаркие дискуссии.

Ника прикоснулась к жидкости в чаше, стоявшей у неё на коленях. Вода словно прилипла к её ладони, а затем Ника подняла руку. Жидкость сохраняла неопределённую форму в воздухе. Она была оранжевого цвета, что вызывало у меня подозрения.

— Постарайся не двигаться. Я немного облегчу симптомы, — сообщила Ника.

Она завела руку мне за спину и надавила на жидкость. Та проникала в меня, а я чувствовал лишь лёгкое покалывание и щекотку. Ника провела ладонью по моей спине, а затем

вывела из меня лишнюю воду вверх через голову и уши. Мне стало значительно легче, но в ушах неприятно щекотало. Теперь я чувствовал себя так, будто просто не выпался пару раз.

— Слушай, давай в следующий раз с этого начнём. Хорошо? — я был немного зол из-за того, что у Ники фактически было лекарство от моих мучений.

Впервые я увидел что-то типа улыбки на лице Ники, а моё тело наполнилось силой. Странно было вдруг почувствовать себя снова живым после всего произошедшего.

— Ты должен знать, что тебя ждёт, когда ты будешь ошибаться.

Она вернула жидкость в свою же чашку. Почему-то теперь она отливала красным — наверное, Ника как-то очистила мою кровь, отчего жидкость и покраснела.

Ника встала и дошла до двери быстрее, чем я успел это осознать.

— Пока не вставай с кровати. Ближе к вечеру можно будет.

После этих слов она вышла из комнаты, а я услышал странный звук, будто дверь снаружи заперли на щеколду. Затем я присмотрелся к окнам и увидел на них решётки.

Эти мысли не покидали меня следующие несколько часов. Я осматривал комнату уже сотый раз за сегодня и не мог найти отличий от тюремной камеры с хорошим гостиничным сервисом. У меня не было такого опыта в Мёртвом мире, но,

судя по тому, что я знал, сходство было чертовским.

— Значит, я тут заключённый? — я рассмеялся и встал с кровати. — Вряд ли так встречают законного наследника.

Я был возмущён и потихоньку ходил кругами по комнате. Стараясь отвлечься от тревожных мыслей, я заставлял себя двигаться: сначала простая ходьба, затем лёгкая разминка и отжимания. Казалось, я почти восстановился после процедуры с оранжевой жидкостью.

Звонкая защёлка вновь ударилась об упор. В комнату вошла Леди Тау и закрыла за собой дверь. Чёрный кот сперва разозлился и зашипел на неё, а затем метнулся под кровать и не вылезал оттуда. Она выглядела уставшей, а её самоуверенность поубавилась.

Я был изрядно накручен к этому времени идеей о том, что я нахожусь в заключении здесь, поэтому сразу же вспылил:

— Когда меня выпустят отсюда? Я что, тут узник? — рывкнул я, успев лишь на секунду поймать её взгляд.

Её мимика стала раздражённой, словно ей сейчас совсем не хотелось быть моей нянькой.

— Ты не узник и можешь свободно перемещаться по поместью. Я распорядилась запирать тебя в первый день, чтобы ты не совершил глупостей до того, как поймёшь, в каком положении находишься. Сейчас ты отвечаешь не только за свою жизнь, но и можешь угробить всё, что десятки людей выстраивали не один год. Поэтому я должна убедиться, что ты всё понимаешь, — ответила она, сохраняя завидную ди-

пломатическую сдержанность, и присела на край кровати.

— Я стараюсь всё понять, но, если честно, то это не так легко, как вам кажется, — я решил, что честность в этом случае лучший выбор.

Садиться на кровать я не хотел, потому что уже устал от неё.

— Ты вернулся в мир, в котором родился и всегда был первородным лордом дома Огневых. Но нюансы всегда бывают. Твоя фамилия, которой ты можешь свободно пользоваться сейчас, — Незнаемый. Такие фамилии носят те, чьё происхождение не подтверждено. Они обречены на жизнь без помощи своего рода. Ратмир сделал так, что официально ты считаешься мёртвым. Поэтому Мирон Огнев — это сущность, которой не существует в императорских бумагах, — я всегда поражался, как Тау с таким спокойствием рассказывала о вещах, которые потрясали меня до глубины души.

— То есть я даже не наследник? — я нервно рассмеялся и чуть не заплакал от переизбытка эмоций.

— Для императора ты не наследник, но для тех, кто в доме Огневых распорядился незаметно убрать тебя в Мёртвый мир, — наследник. Значит, они так же, как и я, видят в тебе потенциального наследника.

Я громко и долго выдохнул, как паровоз.

— Как же меня коробит это слово «потенциальный»! — рывкнул я. — Вы сказали мне, что я грёбанный первородный лорд. Наследник. А теперь оказывается, что я наследник с

неизвестным шансом на успех. Не могу поверить, что я такой идиот и согласился на это.

Отвернувшись от леди Тау, я со злостью смотрел на дверь и даже представлял, как разбиваю кулаки о стену. Меня пригласили сюда, как наследника дома, а по факту у меня не было никаких прав на титул. Для меня это выглядело, как тщательно спланированная подстава.

— Ты излишне драматизируешь. Подтверждение крови — процедура простая, и мы легко сделаем тебя вновь Огненным. Но мы не сможем сделать этого, пока ты не станешь учеником в академии Шпиля. Надеюсь, ты уже понимаешь, что для этого нужно восстановить твоё ядро.

Я обернулся.

— Как сюда вообще какая-то академия встроилась? Звучит очень непоследовательно, — пробормотал я.

Тау выдохнула от раздражения.

— Я знала, что плохой учитель, но совсем позабыла, как меня раздражает объяснять кому-то очевидные вещи, — она встала с кровати. — В академии Шпиля запрещено убивать учеников. Этот закон под личным контролем императора.

— А в других местах это поощряется или что? Что за херня в вашем мире такая творится вообще? — я нахмурился, ища подвох в каждом слове.

— В остальных местах преступления расследуются внутри великого дома. Обычно за правосудием следит отдельный лорд или леди, но у всех по-разному.

— Вот оно как. Мне стало жутко интересно, за что отвечаете вы в доме Огневых? — я немного расслабился, поняв, что злюсь только из-за своей глупости.

— Я — военная леди. В мои обязанности входят армия, война и оборона.

Я взглянул на леди Тау под другим углом, потому что до этого момента представлял её кем угодно, но не главным военачальником дома. Хотя это объясняло многое, например, то, как она легко расправилась с тремя убийцами во дворе.

— Неожиданно. Даже если всё так, как вы говорите. Я уверен, что есть человек, который обладает похожими способностями, как у вас, и ему не составит труда запустить стрелу в академию Шпиля, где бы она ни находилась, с такого расстояния, что это формально даже не посчитают убийством в стенах академии.

Тау рассмеялась. Из-за того, что это было в первый раз, я даже немного насторожился и почувствовал себя идиотом.

— Мне приятно, что ты воспринимаешь меня, как эталон, но у меня всего лишь четвёртый ранг ядра. Есть немало людей, куда сильнее меня. И всё же я отвечу на вопрос. Никто не станет прибегать к такому извращению, потому что император лично следит за исполнением своего закона. От его правосудия невозможно уклониться. Вот и вся правда, — она подходила к двери.

— Тогда всё будет хорошо, если сам император не захочет моей смерти, — подытожил я.

— Все верно.

Она открыла дверь.

— Через пару часов будет небольшое собрание. Только самые важные люди в поместье. Ты тоже должен присутствовать. Мы будем обсуждать тебя.

На этом леди Тау вышла. На этот раз я не услышал щелчки, но и желания выходить из комнаты самостоятельно у меня уже не было.

Несколько часов я спал, чтобы не думать о том, что мне делать в этом мире. Мне принесли свежую одежду. Коричневые штаны, белая рубаха, такие же коричневые сапоги. Ничего особенного. Я бы даже сказал, что это что-то рабоче-крестьянское.

Самочувствие было куда лучше, но всё ещё не идеальное. Выйдя из комнаты, я почти сразу же наткнулся на Нику.

— Собрание вот-вот начнётся, — сообщила она. — Пойдём.

Я кивнул и пошёл за ней следом. После признания Тау о том, что она военная леди, я уже не удивлялся интерьеру, который сперва показался мне чересчур простым для поместья.

На стенах висели факелы, а за окнами уже было темно. Мы поднялись на несколько этажей выше, а затем вошли в комнату, которую я бы назвал небольшой переговорной. За столом уже сидели несколько человек по правую сторону от леди Тау. Я и Ника сели по левую сторону.

Леди Тау прервала молчание:

— Спасибо, что вы все пришли. Сперва я представлю каждого из вас, чтобы Мирон понимал, кто за столом.

Она перевела взгляд на меня, а затем указала ладонью в сторону мужчины, который сидел справа. Это был тощий мужчина средних лет с перебитым носом, ожогами на шее и более мелкими шрамами на лице. Он смотрел на меня так, словно оценивал на рынке, будет ли курица нести много яиц.

— Это Сава Рудин, один из самых верных рыцарей твоего отца. Он не приносил новую клятву Велимиру Незнаемому. Маг пятого ранга с предрасположенностью к огню. Он будет заниматься твоей боевой подготовкой, — рассказала Тау.

Я посмотрел на Саву и безумно испугался того, как он выглядел и как смотрел на меня. Слова леди Тау звучали для меня как приговор, который нельзя будет обжаловать. Я проведу очень много времени с этим человеком. По его лицу было видно, что он прошёл немало сражений, а боевые шрамы пугали.

— Приятно познакомиться, — пробормотал я.

— К сожалению, всё так, — ответил Сава сухим и грубым голосом.

Леди Тау скривилась, словно хотела бы избежать перепалки прямо сейчас. Она указала ладонью на Нику.

— Ника Вешняя, перспективный лекарь из дома Вешних. Маг третьего ранга с предрасположенностью к воде. Она проходит у меня обучение по личной просьбе главы дома

Вешних.

— Мы уже пообщались немного, — сообщила Ника.

На последнего мужчину за столом Тау указывать не стала.

— Это Ольгер Крайний, управляющий Пепельным Ключом. Немаг, но он потрясающий специалист по стратегическим решениям, несмотря на то что официально он выполняет другие работы.

— Спасибо, леди Тау, — Ольгер улыбнулся и произнёс это утончённым, вежливым голосом. Он выглядел чуть моложе Савы, но привлекал куда меньше внимания. Его одежда была самой аккуратной за столом.

Я кивнул, хотя понятия не имел, чем занимается управляющий в таком поместье.

— Я сама маг четвёртого ранга с двойной предрасположенностью. Физика и аркана.

— Звучит непонятно, — пробормотал я. На меня сразу же взглянули мужчины напротив.

Сава начал объяснять первым:

— Физика — это про усиление тела, аркана — это про усиление магии и созидание. Леди Тау безумно сильна физически, а аркану использует для создания оружия, — буркнул он.

Я кивнул:

— Да, теперь всё понятно. Простите.

Несколько секунд никто не говорил, отчего мне было неловко и непонятно, что будет дальше. Леди Тау прервала

молчание:

— Сейчас наша общая задача сделать так, чтобы Мирон поступил в академию Шпиля. Ольгер и я займёмся безопасностью. Я также буду устанавливать на ядро Мирона клетку каждое утро, чтобы искры не утекали, как из ведра. Ника займётся лечением и восстановлением Мирона. Это нужно будет делать ежедневно. Ну, а Сава... — она на секунду замешкалась, пытаясь сформулировать точную задачу.

Сава прервал её:

— Я буду выбивать из тебя всё дерьмо, сынок, — он говорил это с таким удовольствием, словно ждал этого не один год. — И поверь мне, твои жалкие мечты о магии никогда не реализуются, если ты этого не выдержишь.

— Спасибо, что помог объяснить, Сава. Но я всё же искала более мягкую формулировку, — сказала Тау, почесав затылок.

Его лицо — да и весь этот рыцарь — было мне настолько неприятно, что я и сам был не прочь выбить из него дерьмо. Но я помнил слова Тау о том, что у него пятый ранг. При том, что у неё четвёртый — а я видел, на что способна она. Мне было даже трудно представить, на что способен Сава: словно ничего сильнее моя фантазия придумать не могла.

— Надеюсь, всё будет не так стремно, как звучит, — отшутился я, неловко улыбаясь.

Сава не улыбался, даже на миллиметр не дёрнул губами. Я понял, что он совсем не шутил. Чтобы убедиться, что всё

понял верно, я взглянул и на остальных. Лица их были совсем не расслабляющими.

Я взял себя в руки — точнее, вспомнил, что я всё ещё мужчина, несмотря на выжженное ядро:

— Когда начинаем?

Глава 6

Сава усмехнулся надо мной так открыто, что я подумал, будто наша дуэль с моим смертельным исходом вот-вот начнётся. Я смотрел на него, как на человека, который наплевал на моё мужское эго, а затем растоптал его.

Ника ворвалась в наш безмолвный диалог:

— Уже начали. Ты сидишь за столом, пришёл сюда самостоятельно и до сих пор не потерял сознания. Это превосходный результат для такого срока, — спокойно сказала она. За её умиротворяющим тоном я даже не сразу понял, шутка это или нет.

Я перекидывал взгляд на разные лица за столом, пытаюсь уловить то, чего не понял.

— Первые дни ты проведёшь под присмотром Ники, пока она не поймёт, что ты достаточно стабилен и понял, как тебе жить с выжженным ядром, — подытожила леди Тау.

— Мягкость делает мужчин слабыми, — вступил Сава. — Если он не сможет справиться с нагрузкой, то он бесполезен.

Я сразу же взглянул на него. Он выглядел раздражённым, но не так сильно, как горел изнутри я от каждой его фразы.

— Хрупкое для перековки в неразрушимое сперва подготавливают, — пофилософствовал Ольгер.

Тау кивнула в его сторону, словно благодарила, что тот зарезал спор на корню.

— Сперва основы от Ники, затем начнём тренировки от Савы. У нас мало времени, но если переборщить с темпом, то считать время больше не понадобится, — заметила Тау. — Мирон может свободно перемещаться по поместью. Здесь безопасно. Фамилия «Огнев» не должна больше звучать до подтверждения, чтобы не вызывать подозрений и слухов.

Я выдохнул и поймал себя на том, что внутри мне всё-таки спокойно. Меня не подгоняли. Не давили. Наоборот — старались сделать всё как надо, правильно и по возможности комфортно.

— Спасибо, что заботитесь обо мне, — сказал я.

— Вспомнишь об этом, когда вернёшь то, что принадлежит тебе, — напомнила Тау. — Собрание окончено.

Все разошлись раньше меня. Или это я просто сидел и ждал, пока уйдут остальные, лишь бы не оставаться ни с кем один на один.

В итоге я остался последним. Факел у стены негромко потрескивал. Кот запрыгнул на стол и уставился на меня.

— Лёха, — тихо сказал я. — Ты вообще хоть что-нибудь понял?

Кот даже не отвёл взгляда. Я счёл это утвердительным ответом.

Ночью я долго не мог уснуть. Комната в поместье была слишком тихой, но местная тишина отличалась от московской. Там — картонные стены, шорохи за дверью и Лёха, способный посреди ночи включить чайник. Здесь же тишина

казалась выхолощенной, будто её выковали из наказаний.

Утро началось с того, что ко мне в комнату вошла леди Тау, а следом за ней — Ника. Я лежал под одеялом без одежды: так и не разобрался, как в этом мире обстоят дела с ночной одеждой. Точнее, мне просто ничего не выдали на ночь. — О, не думала, что ты там рад нас видеть, — усмехнулась Тау, когда весьма вероломно ворвалась в моё личное пространство и села на край кровати.

Она оттянула одеяло с моей груди. Я жутко занервничал, когда она это делала, потому что выглядело так, будто её рука могла бы и не остановиться вовремя.

— Как же это всё неожиданно, — пробормотал я спросо-
нья.

— Дисциплина — это важная часть любого таланта. Привыкай просыпаться вовремя, — ответила Тау.

Она положила руку на мою грудь, а затем ещё немного сдвинула её, словно прицеливалась.

— Вовремя — это когда вам удобно, да? — я улыбнулся краем губ.

— Каков наглец, — возмутилась она и в тот же момент начала устанавливать клетку на моё ядро.

Фиолетовые нити проникли в мою грудь, а я чувствовал это так отчётливо, словно мне делали операцию. Я сопротивлялся и тяжело дышал, сдерживая боль.

Я глядел в потолок и пытался не думать о том, что происходит внутри моей груди. Фиолетовые нити там не свети-

лись, но ощущались в точности так, будто проникали прямо в мышцы.

— Не затягивайте слишком сильно. Он должен чувствовать поток искр. Пусть останется возможность выхода из тела, — вступила Ника, внимательно наблюдая за рукой Тау.

— Ощущение, будто ногу туго зашнуровали в кроссовках, — пробормотал я.

Они промолчали.

— Если такая не подойдёт, то завтра попробуем другие варианты, — предложила Тау. Она ещё пару секунд регулировала клетку, а затем провела ладонью по моей груди, словно стряхивала остатки фиолетовых нитей. Это выглядело странно, ведь они исчезали сами.

— Вы закончили? — обрадовался я.

Я взглянул на свою грудь. Снаружи никаких изменений не было. Но в груди чувствовалась какая-то плотность, как будто я надел тесную футболку.

— Да, пока на этом всё, — Тау встала с кровати и направилась к выходу. — Дальше тобой займётся Ника.

Я встал с кровати, тут же вспомнил, что всё ещё без одежды, и поспешно натянул выданные вчера штаны и рубаху. Ника отвернулась к двери так деликатно, будто внезапно заинтересовалась каменной кладкой.

— Наконец-то что-то интересное, — воскликнул я.

Ника не разделяла моего энтузиазма и тихонько усмехнулась.

— Сегодня покажу тебе, как справляться со стрессом; если всё пройдёт хорошо, то будет кое-что интересное, — ответила она.

— О, мотивация морковкой. У нас такое практикуют уже сотни лет, — я рассмеялся.

Ника не поняла моей шутки:

— У нас так только ослов мотивируют, — она пожала плечами. — Пойдём во двор.

Она провела меня по короткому пути до внутреннего сада, где было несколько скамей, небольшой пруд и мост через него. Место казалось очень умиротворённым и уединённым. Я оглянулся: Лёха, видимо, остался в комнате.

— Здесь не так гнусно, как в остальной части поместья, — заметил я.

Сад казался единственным местом в поместье, которое не было предназначено для войны. Толстое дерево отбрасывало косую тень на каменные дорожки. Маленький пруд с прозрачной водой.

— В Пепельном ключе много красивых мест, но их очень трудно отыскать, если не знать, куда идти.

Мы прошли через мост, который тихонько поскрипывал под ногами, и остановились возле большого дерева, где было несколько камней, чтобы сидеть. Не слишком удобно, но позволяло держать тело в тонусе. Я сел на один из камней, Ника заняла другой. Камень был на удивление тёплым, словно его кто-то грел до меня.

— Это очень похоже на леди Тау.

— Логично, что её поместье будет похоже на неё. Сперва ты должен научиться дышать, чтобы уменьшать стресс. Это важно, когда ядро близко к опустошению.

Я усмехнулся:

— Для меня оно близко к этому состоянию всегда.

— Именно поэтому мы и начинаем с этого упражнения,
— она сказала это таким тоном, что я почувствовал себя идиотом.

Она закрыла глаза, вдохнула, чуть подождала и затем протяжно выдохнула — это и было тем упражнением.

— Четыре секунды вдох, пауза на четыре секунды и выдох шесть секунд. Тренируйся, — она встала с камня. — Я вернусь через пару часов. Если ты не уйдёшь в срыв, то мы продолжим со второй частью тренировки.

Ника не дожидалась моих возражений и ушла из сада. Я проводил её взглядом, и на этом всё интересное для моих глаз в этом саду закончилось. Мне ничего не оставалось, кроме как действительно тренировать дыхание. В Мёртвом мире я бы и минуты не просидел так, потому что там был компьютер и телефон. А тут был выбор между комнатой, похожей на тюремную клетку, и тренировкой дыхания.

Я выпрямился и попробовал сделать всё правильно. Четыре счёта на вдох, четыре счёта на паузу и шесть — на выдох. На втором повторении нос зачесался так сильно, что игнорировать было невозможно. На третьем я задумался о том,

сколько раз Ника уже обучала этому кого-то. Надеюсь, я был у неё первым. Интересно, у неё есть парень? На четвёртом повторении я понял, что мысли улетели совсем в неправильную сторону.

Следующие два часа я провёл за тем, как пытался научиться дышать. Мне и самому было смешно от этого занятия, потому что я ведь как-то дожил до своих лет, и никогда проблем с дыханием не возникало. Это ведь делается всё автоматически, даже думать не надо. Оказалось, что надо!

Сперва я и правда пытался сконцентрироваться на таком простом задании, но через какое-то время это начинало меня раздражать. В голову лезли негативные мысли о том, как мне здесь не нравится. Лучше бы я и вовсе остался в своём мире, хоть они и называли его Мёртвым.

В итоге я сбился со счёта и уже не соблюдал тайминги, которые задала Ника.

— «Калибровка нарушена, уважаемый лекарь!» — подумал я, подпрыгнув с камня.

Вскоре я заметил, что в груди появлялся знакомый жар, который уже успел порядком надоесть мне. Весь этот порочный цикл выводил меня из себя. Я выдохнул, но уже по своей методике.

Ника вернулась и выглядела недовольной, но будто бы ожидала, что я не буду следовать указаниям полностью.

— Сразу никто не понимает, — пробормотала она.

Она приложила руку к моей груди, а я чувствовал себя,

как провинившийся ученик, которому не хватало смекалки, чтобы выкрутиться из такой ситуации.

— Сомневаюсь, что такую бредятину можно понять, — вспыхнул я.

Ника отнеслась спокойно, словно частенько слышала такое в адрес своих лекарских процедур.

— Никто не просил тебя высказывать мнение о том, как мы собираемся восстановить твоё ядро. Но ты, похоже, настроен оспаривать каждое лечение, которое тебе назначают, — она села на скамью перед деревом и положила рядом корзину с бутербродами. — Сядь, поешь.

— Я не привык слепо следовать указаниям. Если я что-то не понимаю или мне это не нравится, то готовься к тому, что я заявлю об этом во всеулышание, — я хмуро взглянул на неё и всё же сел рядом. Перекус был как раз кстати, поэтому я не хотел бунтовать до последней капли крови.

Я достал один из бутербродов и откусил. Ветчина, сыр и хлеб — но всё это с привкусом, какого я раньше не пробовал.

— На удивление вкусно, — сказал я.

Ника усмехнулась.

— У нас уйдёт очень много времени, если я буду объяснять тебе каждую процедуру. Но хорошо, если ты так хочешь, то впредь я постараюсь быть более сговорчивой, но за Саву не скажу.

— Мне кажется, объяснять всё это — просто проявление уважения ко мне, нет? — продолжал я злиться, но изредка

закусывал бутербродом.

— Я бы на твоём месте позабыла об этом слове на некоторое время. Я не знаю, как принято поступать в Мёртвом мире, но в Люминаре уважение во многом строится вокруг разности рангов корис люмен между людьми. В моём доме к этому относятся проще, потому что мы миролюбивые, — говорила Ника.

Я перебил, дожёвывая хлеб:

— Да, да, миролюбивые лекари. Вот только хрен знает, как вы тогда до сих пор на карте этого мира существуете, но это же другой вопрос, — я усмехнулся.

— Всё сложнее, чем ты думаешь. Но, в целом, подозрения справедливые.

Она выглядела спокойной, но отвела взгляд к пруду, словно не хотела говорить об этом. Видимо, у каждого дома свои способы выживать в этом мире.

— А что насчёт дома Огневых? Ты сказала, что в твоём доме к рангам относятся проще.

— Для вас сила важна. Может быть, даже нет ничего важнее. Мне трудно говорить об этом, потому что всё, что я знаю, это лишь мнение других людей о доме Огневых, — она пожала плечами, словно не хотела бросаться громкими заявлениями, и тихонько съезжала с темы.

— Наверное, для отца это был серьёзный удар по репутации. Ну, когда я выжег себе ядро.

— Огневые — не самые приятные люди, так что, может

быть, хорошо, что ты рос в другом месте, — она рассуждала так, словно меня не было рядом, а затем опомнилась. — Ой, прости, пожалуйста. Я не это имела в виду.

Я посмеялся и на несколько секунд потерялся в размышлениях:

— Всё хорошо. Я бы наверняка вырос тем ещё гнусным задирой. Эх, ладно, что я ещё должен знать про ранги?

— Что ещё? Даже не знаю. Например, нельзя перебивать во время разговора того, кто выше рангом.

— Так у вас тут магическая дедовщина, — я снова рассмеялся.

Ника кивнула, но я понял, что она не понимала.

— Не бери в голову. Так ты здесь не просто так, да? — я был доволен так, словно совершил открытие.

— Лечение выжженного ядра — это очень редкий опыт, с которым некоторым лекарям и вовсе не удаётся столкнуться.

— Ага, понял. Значит, я очень редкая лабораторная крыса.

Ника снова меня не поняла:

— Да, вернёмся к дыханию.

— Ага, а то я уже подумал, что мы о чём-то интересном поговорим, — я рассмеялся.

Ника непонимающе покачала головой.

— Это полезный навык. Те, кто умеют правильно дышать в стрессовой ситуации, реже скатываются в срыв. Они могут дольше находиться на грани и даже выходить немного за

пределы вместимости своего корис люмен, — она посмотрела на меня. — И, кстати, ты не прав. Ты совсем не крыса. Они ведь не такие капризные.

Я рассмеялся и вскочил со скамьи.

— Хорошо, я готов продолжать.

— С дыханием мы пока закончим. Ты будешь заниматься им в свободное время, но я думаю, что ты сперва должен понять, зачем оно. Все парни, которых я знала, предпочитали узнавать всё на практике. И ты не исключение, к сожалению.

— Ага, так я всё же не только крыса, но и парень. Это очень лестная информация, знаешь ли. — Я не терял возможности разрядить обстановку.

Ника приложила руку к моей груди и закрыла глаза.

— Помолчи минутку, — попросила она.

Я чувствовал незначительный прилив сил, а симптомы температуры тридцать семь и два постепенно сходили на нет. Когда Ника открыла глаза, я понял, что могу говорить.

— Знаешь, я совсем не против быть редким экспонатом, — я призадумался. — Хотя постоянные взгляды прохожих меня бы утомили.

— Ты хотел сказать, редким пациентом, — поправила она.

— Ну да, ну да.

— Что ты только что сделала со мной?

— Наполнила твой корис люмен своими искрами.

Я удивился, потому что не было никаких фиолетовых нитей и тому подобного.

— О, спасибо. Значит, срыва не будет?

Ника промолчала.

— Не будет же? — повторил я.

— Такого же, как в прошлый раз, нет, — она улыbnулась.

— Пойдём, нас ждёт леди Тау. Я ведь обещала тебе кое-что интересное к вечеру.

Ника повернулась и пошла прочь по тропинке, я потянулся за ней.

— Звучит не очень обнадёживающе.

— Я и не пыталась.

— Я думал, что все лекари добрые и пушистые, — усмешка на моём лице выглядела неловко.

Мы зашли в знакомый коридор.

— В Мёртвом мире девушкам нравится, когда их называют пушистыми?

— Наверное, нет.

— Вот и мне не понравилось.

Пока мы шли по коридору, я заметил вдалеке небольшое чёрное пятно, которое вскоре превратилось в совершенно понятные очертания.

— Лёха, — воскликнул я. — Как ты выбрался из комнаты?

— Мяу, — ответил он, а затем за несколько прыжков достиг моего плеча. Я чувствовал его через тонкую тунику.

— Твои когти вовсе не такие незаметные, — моё брюзжание ему не понравилось, поэтому он многозначительно про-

молчал. Мне бы тоже не понравилось, если бы моё транспортное средство возмущалось слишком часто.

Мы зашли в небольшую комнату с высоким квадратным столиком посередине, несколькими стульями и окном с тяжёлой шторой. Ольгер старательно раскладывал квадратные бумажки на стол. Сава стоял в углу со сложенными на груди руками и выглядел так, словно уже решил, что всё это пустая трата времени. Я взглянул в глаза леди Тау и понял, что они что-то замышляли и это снова касалось меня.

— Нам нужно уточнить параметры твоего ядра, — пояснила Ника и довела меня до стола.

Я взглянул на стол, где были квадратные бумажки цвета доисторического пергамента.

— Пока выглядит не больно, — пробормотал я.

— Обычно опытный маг видит предрасположенность у ребёнка во время ритуала зажжения ядра с помощью камня отклика, но твоё ядро выжженное. Ты уже проходил этот ритуал, — продолжила Ника.

— Тогда нужно просто поднять архивные записи. Если я был первородным лордом, то об этом наверняка куда-то записали.

Леди Тау подошла к столу по другую сторону от Ники.

— Конечно, это так. Я и сама присутствовала при твоём ритуале зажжения. У тебя была предрасположенность к огню, что, в общем-то, передаётся по наследству в основной линии Огневых, — пояснила Тау.

— Да, было бы тупо, если бы я был предрасположен к воде. Ну, Огнев же всё-таки, — я посмеялся, но остальные смотрели на меня, как на идиота.

— Мирон, это достаточно распространённое явление в основных ветках домов, — прошептала Ника, словно хотела помочь мне выйти из этой ситуации.

— А-а-а, — протянул я.

Леди Тау нахмурилась и смерила нас взглядом.

— После выжигания ядро может поменять свою предрасположенность. Это распространённое явление, но весьма бесполезное, потому что восстановить ядро получается единицам, — сказала она.

Ника продолжила:

— На столе лежат маналисты. Это специальная бумага, пропитанная алхимическим составом. Она всасывает остаточную магию. В основном её используют, когда расследуют магические преступления. Она помогает определить природу магии, которая, например, уничтожила дом. В редких случаях маналисты используются для определения предрасположенности человека к магии.

— Чтобы определять преступника, который скрывает свою предрасположенность?

— В том числе, но скрыть это не так уж и просто.

Я сомневался в словах Ники, но вокруг было слишком много компетентных людей, чтобы обсуждать это.

— Хорошо. Что мне нужно делать? — мне и самому не

терпелось поскорее узнать о природе своего ядра.

— Возьми лист и положи на ладонь.

Я аккуратно взялся за край маналиста двумя пальцами и положил его на ладонь. Я старался не уничтожить его до того, как он сработает, потому что внешний вид не вызывал никаких мыслей о его прочности.

— Вот так?

Мой взгляд метался вокруг. Сперва он остановился на ладони и маналисте, затем я заподозрил что-то неладное и начал искать ответы на лицах окружающих. Первым сдался Сава:

— Говорил же, не меньше недели физической подготовки, — гаркнул он и оттолкнулся спиной от стены.

За спиной послышался хлопок двери. Теперь, когда его не было в комнате, мне было не так стыдно позориться. Сава был неприятен мне, но в нём было что-то понятное: он не притворялся и не выбирал слова.

— Что случилось? — спросил я.

Ника и Тау переглянулись, а вторая даже кивнула несколькими секундами позже.

— Успокойся, Мирон. Постарайся расслабиться и дышать, как на тренировке сегодня, — поддержала Ника и положила руку на моё плечо.

— А, так вот в чём проблема-то, оказывается. — Я громко выдохнул. — В напряжении. А ведь Петровна говорила, что без тока это всё херня.

— Тут никто не понимает твоих шуточек из Мёртвого мира, — заметила леди Тау.

— Ага, а как же? У меня Лёха на плече не просто так сидит. Целый один довольный слушатель.

Я вернулся к маналисту на ладони. Абстрагироваться от трёх пар глаз, пристально наблюдающих за мной, было непросто. Доверившись Нике, я просто повторял то, что она показывала мне ранее: четыре секунды вдох, пауза на четыре секунды и выдох шесть секунд. Повторяем несколько раз.

Маналист разделился на три куска, словно его резко разрезали фантастически острыми ножами. Через мгновение лист скрепился в единое целое, а на месте разрезов показались фиолетовые нити. Они светились совсем тускло в сравнении с тем, что показывала Тау. И под конец представления маналист сгорел. У меня в ладони осталось лишь несколько завихрений невесомого пепла.

Тау смотрела на мою ладонь так, словно эта горстка пепла подпортила её планы.

Я посмотрел на лица остальных. На них было одно большое удивление, растянутое на двоих.

— Прошу прощения, мне нужно срочно распорядиться, чтобы из покоев паренька убрали всё горящее, — Ольгер откашлялся из-за пересохшего горла и вскорости покинул комнату, чуть спотыкаясь.

— А? Что такое произошло? — спросил я чуть повышенным тоном.

Леди Тау была непреклонна:

— Ещё раз, — потребовала она.

Я замешкался, как будто не понял, о чём именно она просила:

— Что?

— Повтори на другом маналисте, — ответила она, а затем чуть громче поторопила. — Скорее!

Кивнув, я подобрал ещё один маналист со стола и стряхнул пепел. Положив маналист на ладонь, я вновь сосредоточился и начал дышать, как учила Ника. С листом произошло всё то же самое: два разреза, скрепление нитями и сожжение.

— Не ошибка, — подытожила Ника.

Я смотрел на очередной пепел в ладони и думал о том, что дважды сделал что-то с бумагой без каких-либо усилий. Ника смотрела на мою ладонь с пеплом так долго, что я начал чувствовать себя неловко.

— Да что случилось-то? Объясните уже мне кто-нибудь, — мой взгляд метался между их лицами, и я уже немного злился.

— Тройная предрасположенность. Ветер, аркана и огонь, — сообщила Тау.

Ника продолжила:

— Невероятная редкость, — её голос звучал восторженно, но словно она говорила об экспонате в музее. — Задokumentировано всего лишь несколько десятков случаев.

Тау перебила её.

— Не время для восхищения. В нашем случае это лишь всё усложняет. С тройной предрасположенностью каждый прорыв даётся труднее, а в начале ядро очень трудно стабилизировать.

— Выходит, что я крутой? — я выцепил самое главное.

Тау посмотрела на меня, как на идиота, но я уже привыкал к этим взглядам. Теперь они для меня были скорее похвалой за отличную службу.

— Это хорошо, но нужно быть аккуратнее, — ответила Ника.

— Если ты не взорвёшь свою комнату или кого-то из нас, то всё будет хорошо. Вот что хотела сказать Ника на самом деле, — поправила Тау.

Я стряхнул пепел.

— Значит, я всё-таки крутой, — улыбнулся я. — Всегда хотел быть крутым.

Глава 7

— Возьми что-нибудь из шкафа с инвентарём, — пробормотал Сава, кивнув в сторону шкафа.

Я обернулся. Сзади действительно был старый шкаф, и он тоже был целиком из камня, как и всё вокруг на тренировочном поле Пепельного ключа. В нём я нашёл базовые варианты оружия ближнего боя.

Тренировочное поле выглядело просторно. Каменный пол и стены, высокие потолки. Никакой мебели и мягких матрасов на полу. Каждое падение будет ощущаться куда больнее, чем в настоящем поединке.

Высоко над потолком тянулся ряд окон. Свет падал из них косыми столбами и до пола почти не доставал. Под потолком посвистывал сквозняк.

— Деревянное или железное? — спросил я через плечо.

— Мне деревянное, тебе — как хочешь, — ответил Сава, а его насмешку я чувствовал даже затылком.

Если он думал, что я не воспользуюсь позорным преимуществом, то ошибался очень сильно. Я нашёл для него деревянную палку, похожую на кусок от швабры, а себе сперва взял полуторный меч, который выглядел туповатым, даже если не присматриваться. Несмотря на приятный внешний вид, я быстро понял, что он для меня тяжеловат.

Пока я выбирал меч, Сава стоял посреди поля и не смот-

рел в мою сторону. Это немного раздражало, но всё же лучше, чем если бы он смеялся надо мной. Я перебрал несколько рукоятей, словно понимал в этом хоть что-то. Дальше я обратил внимание на одноручные варианты и выбрал один из самых коротких мечей. Это было что-то в духе древности из Рима.

Я улыбнулся, довольный своим выбором, и принёс Сава его великолепный кусок палки от швабры. Достойное оружие для такого старого засранца, как он.

— Ты, наверное, доволен собой? Думаешь, что оружие хоть что-то значит? — он схватился за палку.

В следующую секунду произошло сразу несколько действий, которые сплелись для меня в одно-единственное ничто. Сава ударил меня черенком палки в живот, отчего мои веки распахнулись, и я чуть не выплюнул завтрак. Когда я согнулся в попытках выдержать боль и отдышаться, Сава дал мощную пощёчину свободной рукой. Это была та самая пощёчина, от которой теряют сознание или хотя бы равновесие. Я тут же упал на каменный пол, врезавшись в него плечом. Меч отлетел в сторону, а боль расходилась по всему телу из двух чётких источников.

Среди десятка уличных драк, в которых мне доводилось участвовать, не было и близко похожего по ощущениям.

— Тебе нужно поскорее понять, что дому Огневых, по большому счёту, наплевать на твоё происхождение. Будь ты хоть трижды сыном Ратмира, первородным лордом и даже

обладателем тройной предрасположенности. Это всё не более чем предмет для насмешек над тобой, — Сава не закончил на этом физическое унижение. Это была лишь лёгкая прелюдия. — Встать.

Я попытался пошевелиться, но мог лишь немного ворочаться на камнях. Боль обволакивала всё тело и едва ли позволяла вернуть контроль.

— Встать, — повторил Сава, на этот раз более громко и раздражённо.

Этот тон напугал меня, поэтому я нашёл силы положить ладони на камень и попытаться отжаться от пола. Я с трудом встал на четвереньки.

— Встать, — закричал Сава.

После крика последовал сильный удар по плечу ногой. Я вернулся на исходную позицию на полу и выплюнул шмат слюны.

— Кусок дерьма, возомнивший себя первородным лордом.

Я с накатившими на глаза слезами снова выставил ладони под себя и попытался отжаться. В этот раз мне не хотелось дожидаться гнева Савы, поэтому я не медлил.

— Вряд ли леди Тау приказала вам убить меня на первой же тренировке, — пробормотал я, теряя ритм дыхания после каждого слова. — Может быть, я и кусок дерьма, но хотя бы не измываюсь над слабыми.

Дрожащими руками я поднялся на достаточную высоту,

чтобы подставить ногу под себя и затем встать. Грудь и лицо болели так, что я уже перестал замечать это.

— Я этого и не делаю. Ты потерял внимание и получил первый удар. Затем ты умудрился подставить голову под второй. А третий ты получил за то, что медлил и вставал слишком неуверенно. На этом обсуждение моих методов предлагаю закончить.

— Методы? — я поднялся на ноги и старался найти равновесие. — Это не более чем просто садизм.

Я смог сделать несколько шагов и осознал, что боль уже не настолько критична, как показалось сначала. Подобрав меч, я вернулся к центру поля.

— В доме Огневых никто не получает своё место просто так. Уважение здесь — это не что-то само собой разумеющееся. Это монумент, который возводят годами. Сейчас ты просто Незнаемый с выжженным ядром, и ты тратишь моё время впустую. Но я благосклонен к тебе и проявляю терпение. Ты должен быть благодарен, — он разговаривал таким тоном, словно он тут первородный лорд, а я хрен пойми кто. Вся их иерархия казалась настолько чуждой, что раздражение зудом свербело в голове без остановки. Я хмурил брови настолько сильно, что мышцы на лбу ныли от усталости.

Мне никогда не казалось, что я вспыльчивый или агрессивный, но этот старик был катализатором для всего самого ужасного во мне. Резко оттолкнувшись ногой, я сделал выпад в сторону Савы и использовал меч как колющее оружие,

потому что понятия не имел, какие движения нужно делать на самом деле. Сава шагнул в сторону так легко, словно мои действия абсолютно не угрожали его жизни. Он ткнул палкой в заднюю часть колена опорной ноги, отчего я мягко споткнулся и распластался на камнях, уткнувшись носом в пол. Если он хотел показать мне, насколько я никчёмный, то у него получилось это лучше некуда.

Усвоив предыдущий урок, я поднимался на ноги быстрее. Подобрав меч, я встал на четвереньки.

— Какое же дерьмо этот ваш дом Огневых, — я сплюнул красную слюну. — Когда стану главой дома, я искореню это мировоззрение. Какая, к чёрту, разница, какой у человека ранг? Он прежде всего человек и заслуживает уважения.

Я вернулся в центр поля.

— Слова ребёнка, — фыркнул Сава и подошёл ко мне. — Говоришь такие высокопарные речи, но всё это лишь пыль. Чтобы что-то исправить, сперва ты должен сделать так, чтобы хоть кто-то начал тебя слушать.

Сава без сожаления заехал коленом мне между ног. Мои глаза мгновенно расширились, а слёзы потекли раньше, чем я успел осознать масштаб захлестнувшей боли.

— Постоянно подставляешься под удары, — Сава развернулся и пошёл в сторону выхода.

Я старался дышать, как учила Ника, чтобы справиться с болью.

— В моём мире такие удары считаются недостойными

мужчин, — пробормотал я, задыхаясь.

— В доме Огневых считается недостойным лежать на полу перед противником. Начинай запоминать это, — Сава плюнул на камень, а я удивился, что не на меня. Наверное, промахнулся. — Тренировка окончена. Завтра в то же время.

Он ушёл. Боль со всего тела начала потихоньку усиливаться и доходить до своего нормального состояния, не ослабленного во время боя.

— По мне как будто самосвал проехал, — пробормотал я, перевернувшись на спину.

Я смотрел на голубое небо, и бесконечные размышления отвлекали от боли. Непонятно, сколько времени я пролежал так. Стараясь не двигаться, я полностью осознавал свою ничтожность и несостоятельность как боевой единицы. Сава одолел меня так легко, словно это не стоило вообще никаких сил: ни умственных, ни физических.

— Не может же быть, что я настолько слаб? — я усмехнулся и постарался присесть. Это оказалось тем ещё развлечением. Тело болело даже в таких местах, где я раньше боль не испытывал. Мёртвый мир всё же был куда честнее.

Когда я таки сумел поменять положение, на тренировочном поле появилась Ника. Близился закат, поэтому всё это выглядело, как сцена из фильмов, где главного героя провожают в последний путь. В целом, самочувствие было таким, что я, может быть, даже и пошёл бы за ней.

— Как первая тренировка? — спросила она и присела рядом. Каменный пол был тёплым, поэтому сидеть на нём было приятно.

— Тренировка? Меня просто избил недовольный дед, — я криво усмехнулся, потому что это сразу же возобновило боль по всему лицу. — Это можно назвать как угодно, но не тренировкой.

— Ты привыкнешь, — Ника мило улыбнулась, что я находил весьма успокаивающим. — Дом Огневых в беде, а ты их единственная надежда. Постарайся понять недовольство.

— Не знаю, о чём ты говоришь. Они ведь знали, что я в плачевном состоянии. Так на что же рассчитывали тогда?

Ника приложила ладонь к моей щеке, а я на мгновение опешил и покраснел. Её ладонь засветилась голубым цветом, а боль на лице потихоньку отступала. Рядом с голубым свечением сформировалось небольшое количество прохладной воды.

— Не уверена, что смогу объяснить тебе. Это как... В доме Огневых просто не принято быть такими слабыми в твоём возрасте, — сообразила она, а затем поняла, что прозвучала грубовато. — Прости, не хотела обидеть тебя.

Нахмурившись, я взглянул на неё, чтобы убедиться, что она говорит об этом всерьёз.

— Так я теперь ещё и слабак? — возмутился я. Вскоре пришло понимание, что, в общем-то, так и было. Глупо говорить о чём-то другом, когда меня так легко одолел старик. Не

было ни магии, ни сверхоружия. Только руки, ноги и кусок старой палки. — Может быть, и так, но вы не имеете права постоянно мне об этом напоминать. Я вообще не могу быть сильным при обстоятельствах, которые вам всем известны.

Ника выдохнула и смягчилась. Она погладила меня по щеке, словно проверяла твёрдость тканей, а я обнаружил, что никакой боли на лице не было.

— Все вокруг немного нервничают, потому что осталось совсем немного времени, — она перевела руку на моё колено, которое покрылось ссадинами после неудачного приземления.

— До чего?

— До разделения земель вашего дома.

— Идиотские методы обучения никак не помогут спасти земли, — я тоже был на пределе, как и все вокруг.

— Для тебя это кажется небольшим путешествием, а для леди Тау и тех, кто поверил в её авантюру, последствия неудачи будут неприятными.

— Это ведь что-то типа измены?

— Это что-то типа измены, — она кивнула, согласившись с моей формулировкой.

По мере продвижения ладони Ники ссадины на моей ноге затягивались, а я не переставал удивляться водной магии, хоть она и не выглядела так эффектно, как-то, что показывала леди Тау.

— Погоди, так ты не считаешь, что Сава перегнул? —

вспылил я, когда у меня в голове сошлись нити разговора.

— Нет, он правда перестарался, но в нашей ситуации это скорее хорошее решение, — ответила она, заканчивая лечить ногу.

— Сомнительно.

— Леди Тау придумывала всю эту авантюру с расчётом на то, что ты упрямый и быстро учишься. Поэтому в качестве твоего учителя был выбран Сава, а я здесь для того, чтобы ты меньше беспокоился о самочувствии, а больше думал о том, как стать сильнее.

Я взглянул на ногу. Она уже была как новая.

— Так в этом и был весь ваш план? Катастрофические нагрузки в надежде, что я справлюсь? — я рассмеялся, но от осознания ситуации мне хотелось плакать.

— А ты не справишься? — она улыбнулась.

— Справлюсь, конечно. Я не собираюсь бесконечно получать люлей от этого деда.

Ника приложила ладонь к моей груди, и вскоре та засветилась. Это была уже знакомая мне процедура наполнения ядра искрами. Я почувствовал прилив сил, видимо, был почти на нуле.

— Постарайся не повторять ошибки в следующий раз. Этого будет достаточно, чтобы постепенно выйти к восстановлению ядра.

Я кивнул.

Начался период, который я бы назвал «Днём сурка».

Несколько недель происходило одно и то же. Просыпаюсь, заходит леди Тау и устанавливает клетку на ядро. Ника просит быть осторожнее и не перетягивать. Леди Тау говорит, что сегодня затянула слабее, чем вчера. Ника проверяет моё самочувствие и долечивает болячки, оставшиеся после вчерашней тренировки.

Тренировка Савы с каждым днём становится дольше, труднее и больнее. Несколько раз мои кости не выдерживали: ломались рёбра, руки и даже один раз челюсть. Ника с недовольным лицом всё залечивала и рассказывала о том, что такие вмешательства требуют большого объёма маны. Я говорю, что в следующий раз буду осторожнее, несмотря на то что виноват Сава. Не я же сам себе кулаком по челюсти заехал.

Нагрузка росла в геометрической прогрессии, а знаков того, что вскоре мы притормозим, нигде не наблюдалось. Я перестал считать дни на второй неделе. Это перестало иметь значение, потому что каждый день был точь-в-точь как предыдущий. Изменялось только расположение и количество синяков на теле.

Я научился спать в странных позах, потому что после тренировок тело могло болеть так, что приходилось импровизировать. Освоил технику завязывания сапог, не сгибая спины, когда поясница болела так, словно били по спине топором.

Сава не беспокоился о моём самочувствии, а лишь наращивал темп тренировок. Ника ни разу не попыталась остано-

вить меня, но каждый день старалась восстановить меня по максимуму. Леди Тау заходила раз в несколько дней, смотрела на меня и уходила. Видимо, проверяла, что я ещё жив.

Вскоре время, которое я проводил вне тренировок, сошло на нет, а Сава начал уставать не меньше меня. Я начал замечать прогресс, когда Саве требовалось больше шагов, чтобы сбить меня с ног. Сперва один, затем три, пять. Изменения не были быстрыми, но они были!

— Будешь пить по три кувшина в день, — приказала Ника, но выглядела слишком доброй и милой для такого тона. Она тоже уже выглядела потрёпанной от моих тренировок, потому что тратила все свои запасы маны, чтобы поддерживать во мне бодрость и жизнь.

Я отпил немного из кувшина, не обременяя себя лишней посудой. На вкус было так, словно что-то изначально сладкое посолили, а затем добавили крайне неуместный соус. Первый рвотный позыв я с гордостью уничтожил в своём желудке.

— Три кувшина этого? Даже боюсь узнавать, что это такое, — возмутился я, но кувшин допил. После утренней разминки в виде, как выразился Сава, тонизирующего забега на сотню кругов вокруг поместья я был готов выпить даже что-то похуже.

— Вот и не надо. Это один из лекарственных напитков дома Вешних. Кроме лекарственных трав, насыщен маной...

Зачем я это рассказываю вообще? Просто пей, хорошо? По три кувшина в день. Я буду готовить каждое утро, — она выглядела так, словно сил на споры совсем не оставалось.

— Да, хорошо. Как скажешь!

Тренировки продолжались, но теперь я был напичкан этими энергетиками от Ники. В Мёртвом мире мы с Лёхой любили иногда выпить этого запретного пойла, представляя себя жутко взрослыми в этот момент. А что теперь? Теперь Лёха кот и частенько вылизывает свои бубенцы, а я не могу справиться с магическим дедом. Хотя даже не так: магический дед полностью унижает меня как воина.

Лёха приучился везде ходить за мной и больше походил на собаку своим поведением, нежели на кота. Обычно я даже не замечал, что он где-то рядом. Через пару недель я уже понимал, что Лёха всегда со мной.

После ужина я доползал до своей комнаты и падал на кровать. Несколько минут я пытался понять, какая часть тела болит сильнее остальных. Сегодня лидерство за ребрами. Ника каждый день оставляла на тумбе кувшин с лекарственным пойлом, а я заставлял себя пить его.

— Ну, за твое здоровье, братан, — сказал я Лехе и сделал глоток из кружки. Меня передернуло, а лицо скрючилось так, что я даже боялся посмотреть, как оно выглядит в этот момент. — Господи, какая же мерзость.

Леха прыгнул на кровать и улегся на мои бедра. Хоть не на рёбра и на том спасибо.

В дверь постучала Ника. Она каждый день заходила и проверяла, не помер ли я ещё. Она присела рядом и приложила ладонь к моей груди.

— Кувшин допил? — спросила она.

— Только половину. Вторую половину я с чистой совестью вылью в окно, — гордо заявил я.

— Я знаю, что ты это делаешь, — она улыбнулась. — Поэтому готовлю вдвое больше.

Я уставился на неё, а затем рассмеялся. Ребра сразу же напомнили о себе.

Она встала с кровати и обернулась на пороге.

— Сегодня Саве понадобилось потрудиться, чтобы уронить тебя, — сказала она. — Он не признается, но считала его шаги.

Благодаря такой поддержке я спал с улыбкой на лице, но затем всё начиналось сначала.

Я стоял посреди тренировочного поля. В этот раз на мне было немало бинтов на всех местах, куда обычно неприятно падать: колени, лодыжки, локти. Ладони от кровавых мозолей, а шея из-за того, что я не всегда мог вовремя уклониться.

В каменном шкафу всё ещё лежало много оружия, но снаружи были только мой короткий меч и палка для Савы. Мои мечты о том, что однажды дед воспользуется чем-то другим, пока оставались лишь мечтами.

Я взял меч и донёс палку до Савы. Грязная от пота и крови

рукоять меча идеально лежала в руке, но я каждый раз испытывал неприятные ощущения, связанные с предыдущими неудачами, когда брался за эту рукоять.

Несколько дней назад мы прошли этап, когда Сава всё ещё пытался поймать меня на неожиданном ударе. У него просто не получалось или не хватало фантазии, чтобы удивить меня как следует.

— Нападай, чего ждёшь? — громко пробрюзжал Сава.

Я чувствовал себя намного увереннее, поэтому не поддавался на силу его недовольного тона. Он мог возмущаться сколько угодно, это всё лишь старческая пыль. Я уже не злился, как в первый день. Вспыльчивость совсем сошла на нет, а на её место пришли упрямство и спокойствие.

Лёгкая насмешка, а затем резкий рывок, чтобы сократить дистанцию. Я не тормозил, чтобы не облегчать Саве задачу. Он каждый раз пытался сократить количество своих движений до минимума в целях экономии. Когда я это понял, то сразу же обозвал это старческой экономией, потому что иного объяснения стиля Савы у меня не было.

Последовал размашистый удар палкой. Как всегда, он целился по шее, считая, что синяки на ней лучше всего способствуют продуктивному обучению. Если задуматься, то эти синяки и впрямь чувствуешь всегда, как бы ни пытался абстрагироваться.

Я наклонился на полкорпуса и занырнул под палку, Сава ответил шагом в сторону. Так легко уничтожил всю мою за-

думку. Из-за лёгкого раздражения я попытался так же рас-сечь уходящий из зоны досягаемости силуэт, но за это лишь получил палкой по ладони. Сава любил так бить, а меня это невероятно бесило из-за дикой боли.

Я попытался схватить его за одежду, но не успел. Он разорвал дистанцию ещё одним шагом назад.

— Одни и те же ошибки из раза в раз. Когда тебе уже надоест получать по рукам? — спокойно пробормотал Сава.

— Когда достану вас мечом, — рявкнул я.

Резво развернувшись, я попытался настичь его, вытягивая руку для колющего удара. Сава изящно вскинул палку и ткнул ею в ногу, пока я пытался перенести на неё вес. Ступня чуть сместилась, а я не ожидал такого положения, поэтому сразу же свалился на пол. В этот раз я удержал меч в руке.

Сава засмеялся:

— Тренируемся, а всё бестолку. До сих пор не научился бегать, что же говорить о другом. Разочарования случаются. Такова жизнь.

Его слова всегда задевали за живое и доходили туда, где у меня болело сильнее всего. Но в этот раз он потерял бдительность за смехом. Я научился подниматься с пола очень быстро, поэтому вскочил и сразу же шагнул в сторону Савы, потому что тот первым делом попытался отступить. У него уклонение работает на уровне инстинктов.

Мой меч летел идеально между его рукой и палкой, словно мне удалось поймать брешь в его обороне. Я начинал улы-

баться, понимая, что клинок точно достигнет цели. Оставалось всего несколько сантиметров до кожи Савы.

Я видел, как его глаза расширились от гнева и страха, как будто он понял, что допустил ошибку. Всё было как в замедленной съёмке.

В

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.